

От автора мировых бестселлеров
«Стамбульский бастард» и «Ученик архитектора»

ЭЛИФ ШАФАК

*Сорок правил
любви*

Берущий за душу
роман, который
не оставит вас
равнодушным.
Это восторженный
гимн верности
и любви.

Metro

Азбука-бестселлер

Элиф Шафак

Сорок правил любви

«Азбука-Аттикус»

2010

Шафак Э.

Сорок правил любви / Э. Шафак — «Азбука-Аттикус»,
2010 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-05102-7

До сорока лет жизнь Эллы Рубинштейн протекала мирно и размеренно. Образцовая хозяйка, прекрасная мать и верная жена, она и предположить не могла, что принесет ей знакомство с рукописью никому не известного автора. Читая “Сладостное богохульство”, Элла перестает понимать, где находится – в небольшом американском городке в двадцать первом веке или в тринадцатом столетии в Малой Азии? С таинственным автором романа она переписывается или же с самим Шамсом из Тебриза, знаменитым и загадочным странствующим дервишем? Любовь врывается в ее сердце, полностью переворачивая привычную и такую милую ей жизнь...

ISBN 978-5-389-05102-7

© Шафак Э., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Пролог	5
Элла	7
А З. Захара	14
Предисловие	15
Убийца	16
Часть первая	19
Шамс	19
Элла	23
Шамс	25
Элла	27
Учитель	29
Элла	33
Послушник	35
Элла	38
Учитель	41
Письмо	43
Шамс	45
Элла	48
Письмо	50
Послушник	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Элиф Шафак

Сорок правил любви

Пролог

Возьмите камень и бросьте его в реку. Вы можете даже не заметить, как он упадет в воду. В лучшем случае на поверхности появится легкая рябь; возможно, послышится слабый, почти заглушенный бегущим потоком всплеск. Вот и все.

Бросать камень надо в озеро. Результат будет гораздо более наглядным. Покой стоячей воды нарушится. Из того места, куда упадет камень, пойдут волны, и рябь покроет все зеркальное пространство воды. Волны достигнут берега и успокоятся нескоро.

Если камень бросить в реку, то река в своем беспокойном беге даже не обратит на него внимания. Если же камень упадет в озеро, оно уже никогда не будет прежним.

Вся сорокалетняя жизнь Эллы Рубинштейн была похожа на спокойное озеро – предсказуемая, состоящая из привычек, мелких каждодневных потребностей и их удовлетворения. И хотя кому-то это может показаться обыденным и скучным, ей самой такая жизнь не надоедала. В последние двадцать лет все ее желания, все проблемы и их решения, даже ее подруги – все было так или иначе обусловлено ее положением замужней женщины. Ее муж Дэвид, преуспевающий дантист, много работал и хорошо зарабатывал. Миссис Рубинштейн понимала, что связывающие их чувства не являются безумной страстью, но всегда отдавала себе отчет в том, что этого и ожидать невозможно после долгих лет совместной жизни. Не на страсти держится брак, а на куда более важных вещах – на взаимопонимании, привязанности, жалости, на способности прощать. По сравнению со всем этим любовь отходит на второй план. Страсти хороши только в романах или кинофильмах.

Первое место в списке жизненных приоритетов Эллы занимали ее дети, очаровательная студентка колледжа Дженет и подростки-двойняшки Орли и Ави. Еще в семье жил двенадцатилетний золотистый ретривер Спирит, с которым Элла гуляла по утрам и который многие годы был ее веселым другом. Теперь Спирит постарел, отяжелел, совсем оглох и почти ослеп. Его жизнь шла к концу, однако Элла предпочитала не думать об этом.

Рубинштейны жили в Нортгемптоне, штат Массачусетс, в большом доме эпохи королевы Виктории, требовавшем некоторого косметического ремонта, но все еще красивом. Пять спален, три ванных комнаты, гараж на три машины, огромные окна и – самое замечательное – джакузи в саду. Рубинштейны застраховали свою жизнь, застраховали автомобили, пенсию, банковские сбережения, а еще, помимо дома, в котором жили, фешенебельную квартиру в Бостоне и апартаменты на острове Родос. Все это Элле и Дэвиду досталось не даром. Вместительный, элегантно меблированный дом для большой семьи с ароматом домашних пирогов, возможно, кому-то может показаться делом самым обычным. Но Рубинштейнам так не казалось. Для них все это было символом идеальной жизни. Они построили свой брак на разделяемых обоими представлениях о совместной жизни и добились исполнения если не всех, то почти всех своих желаний.

В последний Валентинов день Дэвид подарил Элле бриллиантовую подвеску в форме сердечка с карточкой, в которой было написано:

Моей милой Элле – женщине со спокойным характером, щедрым сердцем и святым терпением. Спасибо за то, что принимаешь меня таким, каков я есть. Спасибо за то, что ты – моя жена.

Твой Дэвид

Элла, не признаваясь в этом Дэвиду, прочитала его записку, словно некролог. “Вот так они напишут обо мне, когда я умру”, – думала она. Но будь они честными, то прибавили бы еще несколько фраз:

“Элла построила свою жизнь вокруг мужа и детей и поэтому утратила способность выживать в одиночку. Она была не из тех, кто плывет против течения. Даже поменять сорт кофе было для нее поступком едва ли не героическим”.

И никто не мог понять, даже сама Элла, почему она в конце 2008 года – после двадцати лет брака – подала на развод.

Причиной была любовь.

Они жили в разных городах. И даже на разных континентах. Их разделяло не только расстояние, они и сами были разными, как день и ночь. Их жизненные принципы были до того непохожими, что казалось, им невозможно не то что полюбить, но даже терпеть присутствие друг друга. Но что случилось, то случилось. И случилось так быстро, что Элле даже не хватило времени осознать происходящее и защититься, если, конечно, можно защититься от любви.

Любовь буквально ворвалась в сердце Эллы – внезапно и бесцеремонно, как камень, упавший ниоткуда в стоячее озеро ее жизни.

Элла

17 мая 2008 года, Нортгемптон

Солнечным весенним утром за окном кухни вовсю распевали птицы. Впоследствии Элла так много раз мысленно реконструировала детали произошедшего, что в конце концов оно перестало быть для нее воспоминанием и она чувствовала, будто все это продолжается.

Радуюсь воскресенью и позднему совместному завтраку, все семейство сидело за столом. Муж положил в тарелку жареную куриную ножку. Ави играл ножом и вилкой, а его сестра-близнец Орли считала каждый глоток, чтобы не нарушить диету – 650 калорий в день. Дженет, учившаяся на первом курсе в расположенном неподалеку Колледже Маунт-Холиоук, намазывала хлеб сливочным сыром и, казалось, была погружена в свои мысли. Рядом с ней сидела и тетушка Эстер, которая пришла, чтобы угостить родственников своим знаменитым мраморным тортиком, и осталась с ними позавтракать. У Эллы была намечена масса дел на день, но она не спешила вставать из-за стола. В последнее время не так уж часто выпадал случай всем вместе, по-семейному, посидеть за столом, и Элла считала, что нельзя упускать такой великолепный шанс сплотить семью.

– Эстер, а Элла уже сообщила тебе свою чудо-новость? – неожиданно спросил Дэвид. – Она нашла прекрасную работу.

Хотя Элла имела степень бакалавра по английской литературе и очень любила читать, после колледжа ей не слишком повезло: приходилось довольствоваться редактированием небольших статей для женских журналов, сотрудничеством с немногочисленными книжными клубами и изредка написанием рецензий для местных газет. И все. Было время, когда Элла мечтала стать известным критиком, но потом смирилась с тем, что жизнь уготовила ей другой путь, и стала заботливой матерью, погруженной в бесконечные домашние дела.

Будучи матерью троих детей, женой, хозяйкой собаки и домоправительницей, она не знала ни одной спокойной минуты. К счастью, ей не надо было зарабатывать на хлеб. Правда, подруги по Колледжу Смита не одобряли выбор Эллы, но сама она с удовольствием занималась домом и благодарила судьбу за все то, что они с мужем имели. К тому же она продолжала оставаться страстной читательницей.

Однако несколько лет назад жизнь Эллы начала меняться. Дети выросли и ясно давали понять, что больше не нуждаются в постоянной материнской опеке. Обнаружив, что у нее появилось свободное время, Элла подумала, что правильно было бы поискать работу. Дэвид поддержал жену. Правда, несмотря на бесконечные разговоры об этом, она не слишком старалась, да и предложения поступали очень редко. Когда же она все-таки приходила на собеседование, то выяснялось, что потенциальные наниматели предпочитают кого-нибудь помоложе и по опытнее. Обескураженная и немного напуганная отказами, Элла фактически прекратила поиски и пустила это дело на самотек.

Тем не менее в мае 2008 года, за две недели до своего сорокалетия, она вдруг оказалась в литературном агентстве, центральный офис которого располагался в Бостоне. Это муж нашел ей место через одного из своих клиентов или – не исключено – через одну из своих любовниц.

– Ой, да ничего особенного, не о чем и говорить, – рассказывала Элла тетушке Эстер. – Я всего лишь читаю для литературного агента, и то не полный рабочий день.

Однако Дэвид решительно пресек попытку Эллы принизить свою работу.

– Нет, это известное агентство, – настаивал он, пытаясь расшевелить жену, и, не добившись толку, сам стал развивать свою мысль: – Понимаешь, Эстер, это престижная работа. Посмотрели бы вы на других ассистентов! Все они из лучших колледжей. Элла там одна такая, которая много лет просидела дома. А теперь у нее тоже приличное положение!

Интересно, подумала Элла, неужели ее муж в глубине души считает себя виноватым в том, что она не сделала карьеру? Или совесть не дает ему покоя из-за того, что он изменяет ей? Другие объяснения его чрезмерного энтузиазма не приходили ей в голову.

– Это я называю хуцпа¹. Мы гордимся нашей мамой, – улыбаясь, заключил Дэвид.

– Она своего добьется. Всегда была такой, – произнесла тетя Эстер с таким волнением, словно племянница вдруг вышла из-за стола и навсегда покинула своих родных.

Все смотрели на Эллу с любовью. Даже Ави не решился на ироничное замечание, да и Орли задумалась о чем-то еще, кроме своей внешности. Элла оценила это, но, как ни странно, ощутила вдруг бесконечную пустоту, какой никогда прежде не знала. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь поменял тему застольной беседы.

Дженет, старшая дочь Эллы, как будто услышала ее, потому что неожиданно вмешалась в разговор:

– У меня тоже есть хорошая новость.

Все повернулись к ней.

– Мы со Скоттом решили пожениться, – объявила Дженет. – О, я знаю, что вы все хотите сказать! Что мы еще слишком молодые, что не закончили колледж и все такое прочее. Но вы должны понять, мы оба чувствуем себя готовыми к перемене в нашей жизни.

Тягостная тишина воцарилась за кухонным столом. Только что объединявшая всех теплота и душевность как испарились. Орли и Ави озадаченно переглянулись, а тетя Эстер замерла, зажав в руке стакан с яблочным соком. Дэвид отложил вилку, как будто вдруг лишился аппетита, и, сощурив светло-карие глаза так, что в уголках глубоко прорезались морщины-сморщинки, уставился на Дженет. Но он не смеялся. Лицо у него сморщилось, как будто он сделал большой глоток уксуса.

– Отлично! Я-то надеялась, что вы порадуетесь за меня, а вместо этого получила холодный душ, – протянула Дженет.

– Ты только что сказала, что собираешься выйти замуж, – произнес Дэвид, словно напоминая дочери ее слова.

– Папа, я знаю, мы немного торопимся, но Скотт вчера сделал мне предложение, и я согласилась.

– Но почему? – спросила Элла.

По тому как Дженет посмотрела на нее, Элла поняла, что должна была задать совсем другой вопрос.

– Потому что я думаю, что люблю его, – несколько покровительственно ответила Дженет.

– Дорогая, я хотела спросить, к чему такая спешка? – пояснила Элла. – Ты беременна?

Тетя Эстер заерзала на стуле, и всем стало ясно, что она шокирована. Немного погодя она достала из кармана противокислотную таблетку и принялась ее жевать.

– Я стану дядей, – хихикнул Ави.

Элла взяла Дженет за руку и ласково погладила ее.

– Ты можешь сказать нам все. Ты же знаешь, правда? Мы будем рядом, что бы с тобой ни случилось.

– Мама, пожалуйста, хватит, – резко произнесла Дженет, вырывая руку. – Нет никакой беременности. Ты сбиваешь меня с толку.

– Я просто стараюсь тебе помочь, – спокойно отозвалась Элла, хотя это давалось ей с трудом.

– Помочь, обижая меня? Очевидно, ты думаешь, что мы со Скоттом можем пожениться только по одной причине! А тебе не пришло в голову, что я хочу, очень хочу замуж за этого парня, потому что *люблю* его? Уже восемь месяцев, как мы *встречаемся*.

¹ Хуцпа – наглость, дерзость, напористость (*иврит*).

Элла не удержалась от насмешки:

– Ну конечно, целых восемь месяцев! И теперь ты знаешь его как свои пять пальцев. А вот мы с твоим отцом прожили вместе двадцать лет и все еще не слишком друг друга знаем. Восемь месяцев – ничто для серьезных отношений!

– Бог всего за шесть дней сотворил мир, – вмешался Ави, однако холодные взгляды родственников заставили его замолчать.

Чувствуя нарастающее напряжение, Дэвид не сводил внимательного взгляда со старшей дочери.

– Милая, – нахмурясь, заметил он, – мама всего лишь хотела сказать, что встречаться – это одно, а жить в браке – совсем другое.

– Но, папа, ты же не считаешь, что мы можем встречаться вечно?

– Если говорить прямо, – тяжело вздохнув, произнесла Элла, – то нам хотелось бы, чтобы ты нашла кого-нибудь другого. Слишком вы оба еще молоды, чтобы вступать в серьезные отношения.

– Знаешь, мам, что я думаю? – переспросила Дженет унылым тоном, столь не похожим на ее обычный веселый голосок. – Я думаю, ты говоришь о собственных страхах. Однако, если ты вышла замуж совсем юной и родила меня, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас, это не значит, что я повторю твою ошибку.

Элла покраснела так, будто дочь влепила ей пощечину. До сих пор она не забыла свою тяжелую беременность, закончившуюся преждевременными родами. А потом ребенок потребовал от нее столько энергии и сил, что только через шесть лет Элла снова решилась на беременность.

– Малышка, мы были рады за тебя, когда ты начала встречаться со Скоттом, – осторожно произнес Дэвид, решив поменять тактику. – Он хороший мальчик. Но кто знает, какой ты станешь через несколько лет, закончив университет? Все может перемениться.

Дженет едва заметно кивнула, мол, она приняла его слова к сведению.

– Это все потому, что Скотт не еврей?

Дэвид закатил глаза, будто не веря словам дочери. Он всегда гордился своими свободными взглядами и тщательно избегал разговоров о расах, религиях, половой принадлежности и тому подобном.

Однако Дженет была неумолима. Повернувшись к матери, она произнесла:

– Посмотри мне прямо в глаза и скажи, что, будь Скотт евреем по имени Аарон, у тебя возникли бы те же самые возражения.

Столько горечи и сарказма звучало в голосе Дженет, что Элла боялась даже подумать о том, что творится в сердце дочери.

– Родная, я буду говорить с тобой честно, даже если тебе это придется не по вкусу. Мне известно, как приятно быть молодой и любить. Поверь мне, я тоже это знаю. Однако большой риск выходить замуж за человека не своего круга. Просто как твои родители мы хотим быть уверены, что ты поступаешь правильно.

– Вы полагаете, что поступать правильно для вас – то же самое, что поступать правильно для меня?

Вопрос несколько смутил Эллу. Она вздохнула и потерла рукой лоб, словно у нее началась мигрень.

– Мама, я люблю его. Для тебя это что-то значит? Ты еще не забыла слово “любовь”? Стоит мне увидеть Скотта, и у меня сердце бьется быстрее. Я не могу без него жить.

Элла непроизвольно хмыкнула, хотя вовсе не собиралась смеяться над чувствами дочери. По непонятным для нее самой причинам она ужасно нервничала. Ссоры с Дженет у нее бывали и прежде, и бывали неоднократно, но сегодня у Эллы появилось ощущение, что она столкнулась с чем-то более серьезным, чем обычно, с чем-то ей до сих пор незнакомым.

– Мама, а ты сама когда-нибудь была влюблена? – спросила Дженет, и в ее тоне ясно прозвучал унижительный намек.

– Да перестань ты! Хватит витать в облаках и вернись на землю. Ты слишком... – Элла выглянула в окно как бы в поисках подходящего слова. – Ты слишком романтична, – в конце концов нашлась она.

– И что в этом плохого? – обиженно переспросила Дженет.

“И в самом деле, что плохого в том, чтобы быть романтичной? – мысленно согласилась с дочерью Элла. – С чего это вдруг меня стало это раздражать?” Не в силах ответить на возникшие в голове вопросы, Элла продолжала гнуть свое:

– Послушай, милая, ты в каком веке живешь? Вбей в свою юную головку, что женщины не выходят замуж за мужчин, которых они любят. Когда приходит время, они выбирают мужчин, которые будут хорошими отцами и надежными партнерами по жизни. Любовь – приятное чувство, но оно приходит и уходит.

Закончив говорить, Элла повернулась к мужу. Медленно, как будто он находился в воде, Дэвид сцепил пальцы и стал смотреть на жену так, словно никогда прежде ее не видел.

– Я понимаю, почему ты это говоришь, – сказала Дженет. – Ты ревнуешь к моему счастью и моей молодости. Ты хочешь сделать из меня несчастную домохозяйку. Ты хочешь, мама, чтобы я стала похожа на тебя.

У Эллы появилось странное ощущение тяжести в животе. Неужели она несчастная домохозяйка? Средних лет мамаша, пойманная в капкан брака? Значит, так дети воспринимают ее? И муж тоже? А друзья и соседи? У нее вдруг возникло чувство, что все втайне жалеют ее, и это чувство было таким острым, что у Эллы перехватило дыхание.

– Ты должна извиниться перед мамой, – сказал Дэвид, с мрачным видом повернувшись к старшей дочери.

– Да ладно. Не надо извиняться, – удрученно произнесла Элла.

Дженет искоса бросила на мать насмешливый взгляд, потом отодвинула стул, швырнула на стол салфетку и вышла из кухни. Почти сразу же за ней в полном молчании последовали Орли и Ави, то ли выражая солидарность со старшей сестрой, то ли наскучив взрослыми разговорами. Тетя Эстер что-то неразборчиво бормотала, дожевывая последнюю таблетку.

Дэвид и Элла продолжали сидеть за столом, ощущая опасную напряженность, которая повисла за столом. Элле стало не по себе: она чувствовала, что эта напряженность не имеет отношения к Дженет.

Схватив вилку, которую недавно отложил, Дэвид принялся с преувеличенным вниманием рассматривать ее.

– Должен ли я сделать вывод, что ты вышла замуж не за того человека, которого любила?

– Ох, пожалуйста, я совсем не это имела в виду.

– Тогда что ты имела в виду? – спросил Дэвид, не отрывая взгляда от вилки. – Мне казалось, ты любила меня, когда согласилась стать моей женой.

– Я любила тебя... тогда, – проговорила Элла не в силах вовремя остановиться.

– И когда же ты перестала меня любить? – бесстрастно переспросил Дэвид.

Элла удивленно посмотрела на мужа, как будто увидела его впервые. Когда я перестала его любить? Этого вопроса она никогда себе не задавала. Она хотела ответить, но не могла, не могла подобрать подходящие слова. В глубине души Элла осознавала, что тревожиться надо больше о них с мужем, а не о детях, но вместо этого они делают то, что у них всегда лучше всего получалось, – пускают жизнь на самотек. Рутинная жизнь побеждает.

И Элла заплакала, не в силах удержать привычную грусть, которая стала уже частью ее натуры. Дэвид со страдальческим видом отвернулся. Оба знали, что он ненавидит, когда она плачет, а она ненавидит плакать в его присутствии. К счастью, зазвонил телефон, спасая их от дальнейших объяснений.

Дэвид взял трубку:

– Привет... да, она рядом. Подождите, пожалуйста.

Элла постаралась взять себя в руки и заговорила так, словно у нее отличное настроение:

– Да. Это я.

– Привет. Говорит Мишель. Извините, что побеспокоила вас обоих в выходной, – прошепел юный женский голос. – Но вчера Стив попросил меня связаться с вами, а я и забыла. Вы уже начали работать над рукописью?

– А... – вздохнула Элла, только теперь вспомнив о своих служебных обязанностях.

Ее первым заданием в литературном агентстве было прочитать роман неизвестного европейского автора, после чего предстояло написать пространственный отчет.

– Передайте ему, чтобы не беспокоился. Я уже начала читать, – солгала Элла. Ей ни за что не хотелось, получив первое задание, разочаровать Мишель.

– Ну и отлично. Как он вам?

Элла помолчала, собираясь с мыслями. Она еще не прикоснулась к рукописи и знала только то, что это исторический роман, в центре которого образ знаменитого поэта-мистика Руми², считающегося, как сказали Элле, “Шекспиром исламского мира”.

– Ну... он очень... *мистический*, – хмыкнула Элла, надеясь шуткой закрыть тему.

Однако Мишель было не до шуток.

– Правильно, – тусклым голосом произнесла она. – Послушайте меня. Возможно, вам понадобится больше времени на написание отчета, чем мы думали...

В телефоне послышались невнятные голоса, тогда как голос самой Мишель куда-то пропал. Элла представила, как Мишель делает сразу несколько дел – проверяет электронную почту, читает отчет об одном из своих авторов, ест сэндвич с тунцом и салатом, полирует ногти – и при этом говорит по телефону.

– Вы слушаете? – спросила Мишель минутой позже.

– Да-да.

– Хорошо. Знаете, у меня тут сумасшедший дом. Я ухожу. Просто помните, что у вас три недели.

– Я помню, – резко произнесла Элла, стараясь казаться более уверенной в себе, чем могло показаться. – Я успею.

На самом деле Элла не была так уж уверена в том, что хочет оценивать рукопись. Поначалу она была нетерпеливой и самонадеянной. Ее волновала мысль о том, что она первой прочитает неопубликованный роман неизвестного автора и сыграет пусть незначительную, но все же некую роль в его судьбе. А теперь она сомневалась, что сможет сосредоточиться на предмете, столь далеком от ее собственной жизни, как суфизм и далекий тринадцатый век.

Наверное, Мишель уловила ее сомнения.

– Вас что-то беспокоит? – спросила она. Ответа не последовало, и она стала более настойчивой. – Вы можете говорить со мной откровенно.

Помолчав еще немного, Элла решила сказать Мишель правду:

– Просто я не очень уверена, что смогу сконцентрироваться на историческом романе. Мне интересен Руми, и все такое, но все же этот предмет совершенно мне незнаком. Может быть, вы дадите мне другой роман – знаете, что-нибудь попроще.

– Станный подход к делу, – фыркнула Мишель. – Думаете, вам будет проще с книгами, о которых вы имеете некоторое представление? Ничего подобного! Вы не можете рассчитывать на редактуру рукописей исключительно массачусетских оттого только, что вы живете в этом штате.

² Джалаладдин Руми (1207–1273) – персидский поэт-суфий, автор лирического “Дивана”, философских трактатов, поэмы “Месневи и манави”, содержащих основные положения суфизма. – *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, прим. перев.*

– Я не это имела в виду... – проговорила Элла и тотчас же сообразила, что сегодня слишком часто повторяет эту фразу. Она повернулась к мужу, желая понять, обратил ли он на это внимание, но по лицу Дэвида ничего не было заметно.

– Как правило, мы читаем книги, которые не имеют ничего общего с нашей собственной жизнью. Такая уж у нас работа. На этой неделе мне досталась книга иранской писательницы, которая раньше держала бордель в Тегеране и была вынуждена бежать из страны. Надо было сказать ей, чтобы она послала рукопись в иранское агентство?

– Нет, конечно же, – пробормотала Элла, чувствуя себя глупой и к тому же виноватой.

– Разве сила настоящей литературы не в том, чтобы объединять людей и континенты?

– Да, вы правы. Знаете, забудьте все, что я наговорила. Мой отчет будет лежать на вашем столе в оговоренный срок, – произнесла Элла, ненавидя Мишель за то, что та вела себя с ней как с глупой гусыней, а себя – за то, что позволила ей это.

– Прекрасно, так держать, – певуче заключила Мишель. – Не поймите меня неправильно, но думаю, вам лучше не забывать о десятках людей, которые были бы не прочь занять ваше место. И кстати, большинство из них вдвое моложе вас. Полагаю, это хорошая мотивация.

Когда Элла положила трубку, то заметила, что Дэвид сосредоточенно наблюдает за ней. Похоже, он ждал, что они начнут выяснение отношений с того места, на котором их прервали.

Позднее, ближе к вечеру, Элла сидела на крыльце дома в своем любимом кресле-качалке и смотрела на оранжево-красный заход солнца над Нортгемптоном. Небо казалось близким, как будто до него нетрудно было дотянуться рукой. Мысли Эллы приняли обычное направление: Орли плохо ест. У Ави неважные оценки. Спирит все слабеет. Дженет со своими матримонийными планами, тайные интрижки Дэвида, отсутствие любви... Все эти привычные домашние неприятности Элла мысленно разложила по отдельным ящичкам и надежно заперла до будущих времен.

Затем она вынула рукопись из конверта и подержала ее на ладони, словно взвешивая. Название романа автор написал на конверте синими чернилами: “Сладостное богохульство”.

В агентстве Элле сказали, что никто ничего об авторе не знает – некто А. З. Захара, который живет в Голландии. Рукопись отправлена в агентство из Амстердама, а в конверте имела еще почтовая карточка, вся лицевая сторона которой была разрисована тюльпанами – розовыми, желтыми, красными. На обратной стороне изящным почерком было написано:

Дорогой сэр /мадам!

Приветствую Вас из Амстердама. История, которую я посылаю Вам, имела место в Конье, что в Малой Азии. Однако лично я верю, что она актуальна для всех стран, культур и веков.

Надеюсь, у Вас найдется время прочитать “Сладостное богохульство”, исторический и мистический роман об удивительных узах, связавших Руми, величайшего поэта своего времени и почитаемого исламского духовного лидера, с дервишем Шамсом из Тебриза, вся жизнь которого была полна скандалов и неожиданностей.

Пусть любовь всегда пребудет с Вами и Вы всегда будете окружены любовью.

А. З. Захара

Элла поняла, что именно эта записка вызвала любопытство литературного агента. Однако у Стива не было времени читать рукопись писателя-любителя, поэтому он передал ее своей заместительнице Мишель, а та в свою очередь отдала ее своей новой ассистентке. Вот так “Сладостное богохульство” оказалось у Эллы.

Элла и понятия не имела, что эта книга станет не просто ее первой работой, а перевернет всю ее жизнь. Что рукопись Захары изменит ее судьбу.

Элла открыла первую страницу. Прочитала сведения об авторе:

“Когда А. З. Захара не путешествует по миру, он живет в Амстердаме в окружении книг, кошек и черепашек. “Сладостное богохульство” – первый роман Захары и, скорее всего, последний. У него нет намерения становиться профессиональным писателем, и эту книгу он сочинил исключительно из чувства восхищения и любви к великому философу, мистику и поэту Руми и его солнцу³ Шамсу Тебризи”.

Ее взгляд скользнул ниже, и она прочитала нечто, показавшееся ей на удивление знакомым:

“Вопреки мнению многих любовь не только сладостное чувство, которое неожиданно приходит и быстро уходит”.

Элла от удивления даже приоткрыла рот, настолько прочитанное противоречило тому, что она утром за завтраком сказала старшей дочери. На мгновение она замерла, потом вздрогнула от странной мистической мысли: некая сила или навязанный ей автор, кем бы он ни был, следят за ней. Возможно, он написал свою книгу, заранее зная, кто будет ее первым читателем. Он имел ее в виду, когда писал роман. По какой-то непонятной причине Элла встревожилась и разволновалась.

“По многим параметрам двадцать первый век не очень отличается от тринадцатого. Оба останутся отмеченными в истории беспрецедентными религиозными разногласиями, взаимным непониманием культур, общим ощущением незащищенности и страхом перед потусторонним миром. В такие времена любовь нужна людям больше чем когда бы то ни было”.

Вдруг прохладный и сильный порыв ветра бросил на крыльцо упавшие листья. Солнце ушло за горизонт, и все вокруг стало скучным и безрадостным.

“Любовь есть суть и цель жизни. Как напоминает нам Руми, она поражает всех, даже тех, кто остерегается ее, даже тех, для кого слово “романтический” имеет негативный смысл”.

Элла удивилась так, словно прочитала: “Рано или поздно любовь поражает всех, даже домохозяйку средних лет из Нортгемптона по имени Элла Рубинштейн”.

Внутреннее чувство подсказывало ей, что надо отложить рукопись, позвонить Мишель и сказать ей, что она не будет писать об этом романе. Но вместо всего этого Элла тяжело вздохнула, перевернула страницу и стала читать.

³ Имя Шамс означает “солнце”.

А З. Захара

«Сладостное богохульство»

роман

Суфийские мистики рассказывают о тайне Кур'ана, заложенной в стихе аль-Фатихи⁴,

И о тайне аль-Фатихи, заложенной
в Бисмиллахиррахманиррахим⁵,
И сутью Бисмиллах есть буква “ба”,
И точка есть под буквой “ба”,
В этой точке под буквой “ба” вся вселенная...

“Матнави” начинается с “Б”,
И все главы романа начинаются так же...

⁴ Первая сура в Коране.

⁵ Во имя Аллаха Всемилоственного и Милосердного (*араб.*).

Предисловие

Из-за религиозных разногласий, политических споров и бесконечной борьбы за власть тринадцатое столетие в Анатолии было весьма бурным. На Западе крестоносцы по дороге в Иерусалим завоевали и разграбили Константинополь, что привело к распаду Византийской империи. С Востока армия монголов быстро продвигалась вперед, ведомая военным гением Чингисхана. В центре дрались турецкие племена, пока Византия пыталась вернуть утраченное могущество. Это было время невиданного хаоса, когда христиане сражались с христианами, христиане сражались с мусульманами, мусульмане сражались с мусульманами. Куда ни глянешь, везде лишь ненависть и страдания, да еще страх перед будущим.

Посреди этого хаоса жил прославленный исламский ученый Джалаладдин Руми. Его еще называли Мавлана – “наш Мастер”, потому что у него были тысячи учеников и почитателей в самой Конье и за пределами города, и все мусульмане считали его своей путеводной звездой.

В 1244 году Руми встретился с Шамсом – странствующим дервишем, который отличался необычным поведением и еретическими речами. Эта встреча изменила жизнь обоих. И в то же время она положила начало крепкой и удивительной дружбе, которую суфии в последующие столетия сравнивали с союзом двух океанов. Познакомившись с этим удивительным человеком, Руми отошел от главного направления своего учения, став страстным мистическим поэтом, проповедником любви и создателем экстатической пляски дервишей. В эпоху глубоко внедренного в сознание фанатизма и связанных с этим противоречий и столкновений Руми стоял за всеобщую духовность всех людей без разбора. Вместо джихада, то есть войны против неверных, которую в тогдашние времена так же, как и теперь, поддерживали многие, Руми стоял за джихад, направленный внутрь, цель которого сражаться и побеждать собственное “я”, свой *нафс*⁶.

Далеко не все приветствовали подобные идеи, так же как далеко не все открывали свои сердца любви. Духовная связь Шамса и Руми стала предметом пересудов, кривотолков и нападок. Их не понимали, им завидовали, их поливали грязью, и в конце концов их предали самые близкие люди. Всего через три года после первой встречи они были трагически разлучены.

Но это не конец истории.

На самом деле у этой истории нет конца. И теперь, спустя восемь столетий, дух Шамса и Руми все еще жив и витает где-то между нами.

⁶ Нафс – душа как источник животных страстей.

Убийца

Ноябрь 1252 года, Александрия

Бедняга лежит мертвый. Над ним темная толща воды. Но его сверкающие зрячие глаза, словно две черные звезды, зловеще смотрящие с небес, преследуют меня, куда бы я ни пошел. Теперь я в Александрии и надеюсь, что, пропутешествовав еще, смогу избавиться от сверлящих воспоминаний, от стонов в ушах, от последнего крика, который он издал, прежде чем прервалось дыхание – последнее “прости” зарезанного человека.

Когда кого-то убиваешь, что-то от убитого человека переходит к тебе – последний вздох, жест. Я называю это “проклятием жертвы”. Это “нечто” цепляется к тебе, проникает под кожу, в сердце и живет внутри тебя. Люди, которые видят меня на улице, об этом не знают, тем не менее я ношу в себе и на себе нечто от всех тех людей, которых убил. Я ношу их на шее, словно невидимые ожерелья, чувствую их тяжелые прикосновения к моей плоти. Хоть это и неприятно, я привык жить с этим грузом и даже воспринимаю его как часть своей работы. С тех времен, когда Каин убил Авеля, в каждом убийце дышит убитый им человек. Для меня не новость. Я даже не огорчаюсь из-за этого. Больше не огорчаюсь. Но тогда почему я никак не могу прийти в себя после последнего убийства?

В тот раз все было иначе, с самого начала все шло неправильно. Например, как я получил работу? Или, сказать иначе, как работа нашла меня? В начале весны 1248 года я работал на хозяйку борделя в Конье, мужебабу, известную своими вспышками ярости. В мои обязанности входило держать шлюх в повиновении и умирять посетителей, которые не желали вести себя как подобает.

Тот день я помню так, словно он был вчера. У меня был приказ отыскать шлюху, которая сбежала из борделя, желая найти Бога. Такие красотки не раз разбивали мне сердце, так что я был зол и, поймав ее, собирался так изуродовать ей лицо, чтобы больше ни один мужчина на нее даже не взглянул. Глупая женщина уже почти была у меня в руках, когда на моем пороге вдруг появилось загадочное письмо. Выучиться грамоте мне не довелось, поэтому я отнес письмо в медресе и заплатил студенту, чтобы он прочитал его.

Письмо оказалось анонимным, подписанное: “Несколько истинно верующих”.

“Из надежного источника нам известно, откуда ты прибыл и чем занимался прежде, – было сказано в письме. – Ты – бывший член Ордена убийц⁷! Нам также известно, что после смерти Хасана Ибн Саббаха и заключения в тюрьму ваших вождей орден перестал быть прежним. Ты явился в Конью, чтобы избежать наказания, и с тех пор тебе приходится скрываться”.

Из письма я узнал, что мои услуги требуются срочно и по очень важному делу. Меня заверяли также, что моя работа будет хорошо оплачена и, если предложение мне интересно, я должен, когда стемнеет, прийти в известную в городе таверну. Там мне надо было сесть за ближайший к окну стол, спиной к двери, и опустить голову так, чтобы видеть только пол. Вскоре ко мне подсядет некий человек или несколько человек, которые окончательно договорятся со мной о сделке. От них я получу всю нужную мне информацию. Ни при их приближении, ни по уходе, ни во время разговора я не должен поднимать голову и смотреть на лица этих людей.

Странное письмо. Впрочем, к тому времени я уже привык к причудам заказчиков. За многие годы разные люди нанимали меня, и большинство желало держать свои имена в тайне. По опыту я знал, что чем тщательнее заказчик скрывает свое имя, тем ближе он к жертве.

⁷ Орден убийц, или Орден ассасинов (1096–1252), – объединение фанатиков-мусульман, убивавших крестоносцев, было основано религиозным и политическим деятелем Хасаном Ибн Саббахом.

Однако меня это не касалось. Моя задача – убивать. И не мое дело задавать вопросы. С тех пор как я покинул Аламут⁸, я сам выбрал для себя такую жизнь.

В любом случае, я редко задаю вопросы. Зачем? Почти у каждого есть хотя бы один недруг, от которого он хочет избавиться. То, что люди этого не делают сами, вовсе не означает, что они не могут убить. На самом деле на это способны все без исключения. Просто люди не понимают этого, пока что-то не случается. Они думают, будто не способны убивать. Но дело всего лишь в стечении обстоятельств. Иногда достаточно одного жеста, чтобы человек вспылел. Непреднамеренная вспышка, ссора, случайное появление не в том месте и не в то время – и это кончается бедой, хотя обычно этих убийц все считают людьми добрыми и дружелюбными. Каждый может убить. Но далеко не каждый может хладнокровно убить незнакомца. И тут требуюсь я.

Я делаю за других грязную работу. Даже Богу понадобился некто вроде меня в Его мировом устройстве, и Он назначил Азраила, архангела смерти, класть предел человеческой жизни. Люди боятся, проклинают и ненавидят его. Несправедливо по отношению к архангелу. Впрочем, этот мир вообще не очень-то справедлив.

Вечером я отправился в таверну. Стол около окна оказался занятым человеком со шрамом на лице, который крепко спал. Сначала я подумал, что надо разбудить его и отправить спать в другое место, но с пьяницами ведь никогда не знаешь, как они себя поведут, а мне ни к чему было привлекать к себе внимание. Итак, я сел за другой стол чуть дальше от окна.

Прошло совсем немного времени, и в таверне появились два человека. Они уселись по обе стороны от меня так, чтобы я не видел их лиц. А зачем мне смотреть на них? Я и без того сразу понял, что они слишком молоды и совсем не готовы к тому шагу, который собираются предпринять.

– У тебя отличные рекомендации, – проговорил один из них; голос у него был не столько осторожный, сколько тревожный. – Нам сказали, что ты лучший.

Было что-то забавное в том, как он произнес это, но я не позволил себе улыбнуться. Мне стало ясно, что они опасаются меня, а это совсем неплохо. Впрочем, испугайся они посильнее, не решились бы послать меня на это дело.

– Да, я лучший, – подтвердил я. – Поэтому меня зовут Шакалья Голова. Я никогда не обманывал своих заказчиков, даже если они ставили передо мной непосильную задачу.

Тогда заговорил другой:

– Послушай, есть один человек, который нажил себе слишком много врагов. С тех пор как он явился в этот город, от него одни несчастья. Несколько раз мы предупреждали его, но он не хочет никого слушать. Он становится неуправляемым. У нас не осталось другого выхода.

Всегда одно и то же. Каждый раз клиенты хотят оправдаться, прежде чем заключить сделку, как будто мое одобрение уменьшает тяжесть предстоящего злодейства.

– Я знаю, что вы хотите сказать. Назовите имя, – попросил я.

Кажется, им не хотелось называть имя, и взамен они предложили лишь относительно достоверное описание внешности.

– Он еретик, позорящий имя мусульманина. Богохульник и святотатец. Бродяга, а не дервиш.

Как только я услышал последнее слово, по рукам у меня поползли мурашки. Мысли пустились вскачь. Я убивал разных людей, молодых и старых, мужчин и женщин, но среди них не было ни одного дервиша, ни одного святого человека. У меня есть свои принципы, и я не хочу навлекать на себя гнев Божий, потому что, несмотря ни на что, я верующий человек.

– Боюсь, для вашего дела я неподходящий человек. Убийство дервиша не по моей части. Найдите кого-нибудь другого.

⁸ Аламут (“Гнездо орла”) – крепость Ордена убийц.

С этими словами я встал из-за стола, намереваясь уйти. Однако один из мужчин схватил меня за руку и стал умолять:

– Пожалуйста, подожди. Плата поможет тебе забыть об угрызениях совести. Сколько бы ты ни брал обычно, мы удвоим сумму.

– Как насчет того, чтобы утроить? – спросил я в уверенности, что они на это не пойдут.

Однако после короткого колебания они, к моему изумлению, согласились. Я снова опустился на стул. С такими деньгами можно было бы наконец заплатить выкуп за невесту, жениться и больше не беспокоиться о том, как свести концы с концами. За такие деньги можно убить и дервиша.

Откуда мне было тогда знать, что я совершаю величайшую ошибку в своей жизни и все оставшиеся дни буду сожалеть о случившемся? Откуда мне было знать, что так трудно убить дервиша и что даже после смерти его острый как нож взгляд будет преследовать меня, где бы я ни находился?

Миновало четыре года с тех пор, как я убил его во дворе и утопил в колодце, ожидая услышать плеск, которого не дождался. Ни звука. Как будто он не упал в воду, а вознесся на небо. По ночам меня все еще мучают кошмары, и, когда я смотрю на воду – все равно на какую воду – дольше нескольких секунд, холодный ужас овладевает мной, и я отвожу взгляд.

Часть первая

Земля

вещи, которые тверды, поглощены и неподвижны

Шамс

Март 1242 года, постоянный двор в пригороде Самарканда

Большие восковые свечи неровно горят передо мной на треснувшей деревянной столешнице. В этот вечер явившееся мне видение было яснее обычного.

Я увидел большой дом и двор, в котором цвели желтые розы, а посередине был колодец с самой холодной водой на свете. Стояла тихая августовская ночь, и на небе сияла полная луна. Где-то неподалеку кричали и выли ночные звери. Немного погодя из дома вышел мужчина средних лет, у которого было доброе лицо, широкие плечи и глубоко посаженные светло-карие глаза. Он посмотрел на меня. В лице у него была тревога, в глазах – печаль.

– Шамс, Шамс, где ты?! – закричал он, поворачиваясь то влево, то вправо.

Поднялся сильный ветер, и луна спряталась за тучей, словно не желая видеть, что будет дальше. Совы умолкли, летучие мыши попрятались, даже дрова в очаге внутри дома перестали трещать. На землю опустилась непроницаемая тишина.

Мужчина медленно приблизился к колодцу, наклонился над ним и заглянул внутрь.

– Шамс, дорогой, – прошептал он. – Ты там?

Я открыл рот, желая ответить, но ни одного звука не слетело с моих губ.

Мужчина встал рядом с колодцем и еще раз заглянул в него. Поначалу он не увидел ничего, кроме черной воды. Потом сквозь покрытую рябью воду заметил, как на самом дне шевелится моя рука. Потом он узнал глаза – два блестящих черных камня, глядящих на полную луну, которая вышла из-за черных тяжелых туч. Мои глаза смотрели на луну, словно ожидая объяснений от небес.

Упав на колени, мужчина плакал и бил себя в грудь.

– Его убили! Убили моего Шамса! – завывал он.

В это мгновение из-за кустов появилась быстрая тень и, как дикая кошка, перепрыгнула через садовую ограду. Однако мужчина не обратил внимания на убийцу. Застигнутый невыносимым горем, он кричал и вопил, пока его голос не задрезжал, словно разбитый стакан.

– Эй, ты, перестань орать как сумасшедший.

– ...

– Замолчи, или я вытолкаю тебя вон!

– ...

– Я же сказал, заткнись! Ты не слышишь? Заткнись!

Голос звучал угрожающе. Я сделал вид, будто не слышу его, предпочитая хотя бы еще немного оставаться внутри своего видения. Мне хотелось побольше узнать о своей смерти.

Еще мне хотелось рассмотреть мужчину с печальным взглядом. Кто он такой? Какое отношение имеет ко мне? И почему с таким отчаянием ищет меня августовской ночью?

Однако прежде чем я опять смог увидеть его, кто-то из другого измерения схватил меня за руку и потряс с такой силой, что у меня громко застучали зубы. И выдернул в этот мир.

Медленно, с неохотой, я открыл глаза и увидел стоявшего рядом со мной человека. Это был высокий дородный мужчина с седой бородой и густыми, закрученными на концах вверх усами. В нем я узнал хозяина постоянного двора. И тотчас же обратил внимание на две вещи.

Обычно он умирал людей, которые ругались непотребными словами и всегда были готовы подраться. Сейчас он был в ярости.

– Чего вы хотите? – спросил я. – Зачем дергаете меня за руку?

– Чего я хочу? – со злостью прорычал он. – Я хочу, чтобы ты перестал кричать, вот чего я хочу. Ты распугаешь всех моих постояльцев.

– Правда? Я кричал? – переспросил я, пытаюсь вырваться из крепкой хватки трактирщика.

– Еще бы! Ты ревел, как медведь, у которого в лапе застряла колючка. Что с тобой случилось? Заснул за обедом? Похоже, тебе приснился кошмар.

Я понимал, что это единственное приемлемое объяснение, и, если я соглашусь, трактирщик будет удовлетворен и отпустит меня с миром. Однако врать мне не хотелось.

– Нет, брат, я не заснул, и кошмар мне тоже не приснился, – произнес я. – У меня вообще никогда не бывает снов.

– Тогда почему ты кричал? – продолжал расспрашивать трактирщик.

– У меня было видение. Это совсем другое.

С изумлением поглядев на меня, он принялся сосать кончики своих усов. Потом сказал:

– Вы, дервиши, такие же сумасшедшие, как крысы в кладовке. Особенно странствующие дервиши. Весь день голодаете и молитесь, да еще расхаживаете под палящим солнцем. Ничего удивительного, что у тебя видения, – у тебя мозги поджарились!

Я улыбнулся. Может быть, он и прав. Говорят, очень тонкая грань между потерей рассудка и потерей Бога в себе.

Тут появились два прислужника, которые несли огромный поднос с жареной козлятиной, сушеной соленой рыбой, бараниной, приправленной специями, пшеничными хлебцами, турецким горохом и чечевичной похлебкой на бараньем сале. Они ходили по залу, раздавая кушанья, наполнявшие воздух ароматами лука, чеснока и специй. Когда они остановились около меня, я взял миску с похлебкой, над которой поднимался пар, и немного черного хлеба.

– У тебя есть деньги заплатить за еду? – спросил трактирщик покровительственным тоном.

– Нет, – ответил я. – Но позволь мне предложить тебе кое-что в обмен. Ты дашь мне поесть и крышу над головой, а я расскажу тебе о твоих снах.

Он фыркнул и подбоченился:

– Ты же сам сказал, что никогда не видишь сны.

– Правильно. Я объясняю сны, но сам их не вижу.

– Надо бы мне тебя выгнать. Говорил же я, что вы, дервиши, все помешанные, – произнес трактирщик, отплевываясь при каждом слове. – Вот тебе мой совет: не знаю, насколько ты стар, но наверняка ты довольно уже помолился на своем веку. Найди себе хорошую женщину и перестань скитаться по миру. Пусть она нарожает тебе детей. Тогда ты будешь прочно стоять на земле. Какой смысл в том, чтобы таскаться по свету, если везде одни только несчастья? Поверь мне. Нигде ты не отыщешь ничего нового. У меня бывают постояльцы из разных мест. Стоит им немного выпить, и я слышу одни и те же истории. Люди везде одинаковые. Одна и та же еда, одна и та же вода, одно и то же дерьмо.

– А я и не ищу ничего такого. Я ищу Бога, – сказал я. – Мой поиск – это поиск Бога.

– Тогда ты ищешь Его не в том месте, – неожиданно помрачнев, отозвался трактирщик. – В наши места Бог не заглядывает! Нам неизвестно даже, вернется ли Он когда-нибудь сюда.

Услышав это, я почувствовал, что у меня заколотилось сердце.

– Когда человек плохо говорит о Боге, он плохо говорит о себе, – произнес я.

Странная усмешка скривила губы трактирщика. На его лице я увидел выражение горечи и возмущения и чего-то еще, похожего на детскую обиду.

– Разве Бог не говорит, что Он ближе к тебе, чем твоя яремная вена? – спросил я. – Бог не где-то вдалеке на небе. Он внутри каждого из нас. Вот почему Он никогда не оставляет нас.

– И все-таки Он оставляет, – заметил трактирщик, и взгляд у него сделался холодным и вызывающим. – Если Бог и пальцем не шевелит, когда мы страдаем, разве это говорит о Его присутствии?

– Брат, сие есть первое правило, – отозвался я на эти жалобы трактирщика. – Мы видим Бога как прямое отражение самих себя. Если Бог слишком тяжело нагружает наши мысли страхом и виной, это значит, что в нас самих слишком много страха и вины. Если же мы думаем, что Бог дарит любовь и утешение, значит, мы сами готовы дарить любовь и утешение.

Трактирщик не замедлил возразить, но я понял, что мои слова удивили его.

– Получается, что все, отличное от слов Бога, рождается в нашем воображении? Не понимаю.

Однако я не успел ответить, потому что на другой стороне зала возникла ожесточенная перепалка. Мы обернулись и увидели двоих довольно неприглядного вида мужчин. Они явно были пьяны, ругались и нарушали покой остальных посетителей таверны. Они таскали куски мяса из их тарелок, выпивали вино из их кубков, а когда кто-то пытался их остановить, они нагло смеялись.

– Как ты думаешь, не пора ли мне это прекратить? – прошипел трактирщик сквозь зубы.

В один миг он оказался на другой стороне, схватил одного из пьяниц, поднял его со стула и влепил ему пощечину. Вероятно, тот не ожидал ничего подобного, потому что свалился на пол, словно пустой мешок.

Второй пьяница оказался покрепче, он отчаянно отбивался, однако трактирщику не понадобилось много времени, чтобы усмирить и его. Он ударил своего буйного клиента в грудь, а потом придавил его руку тяжелым сапогом. Послышался треск костей.

– Остановись! – крикнул я. – Ты же убьешь его. Разве ты этого хочешь?

Как суфий я дал обет защищать человеческую жизнь. В этом мире слишком много людей способно драться без всякого повода; остальные отличаются от них лишь тем, что находят к этому повод. А вот суфий не может драться, даже если у него есть и повод и причина. У меня не было права отвечать насилием на насилие. Однако я мог броситься и остановить трактирщика.

– Держись от меня подальше, дервиш, или я вышибу тебе мозги! – проорал трактирщик; однако мы оба знали, что он не сделает ничего подобного.

Через минуту прислужники подняли обоих пьяниц, из которых один был со сломанным пальцем, а другой со сломанным носом; крови хватало и на полу, и на них самих. В зале установилась пугающая тишина. Гордый страхом, внушенным своим посетителям, трактирщик искоса поглядел на меня. Когда он заговорил снова, похоже было, что он адресует ко всем в зале, и его голос звучал гордо:

– Знаешь, дервиш, у меня тут не всегда так. Драться я не люблю, но иногда приходится. Когда Бог забывает о простых смертных, им приходится защищать справедливость своими руками. В следующий раз, когда будешь говорить с Ним, намекни Ему: мол, если Он оставляет своих овец без защиты, они не будут ждать, пока кто-то придет и зарежет их. Они сами превратятся в волков.

Пожав плечами, я направился к двери.

– Ты ошибаешься.

– В чем же я ошибаюсь? В том, что был овцой, а стал волком?

– Да нет, не в этом. Ты и вправду стал волком. Но ты не прав, называя то, что делаешь, справедливостью.

– Подожди, я еще с тобой не закончил! – завопил трактирщик у меня за спиной. – Ты мне должен. За еду и кровать ты обещал рассказать мне, что означают мои сны.

– Я сделаю кое-что получше, – предложил я. – Прочитаю, что смогу, по твоей ладони.

Я повернулся и пошел прямо на трактирщика, неотрывно глядя в его сверкающие глаза.

Не доверяя мне, он инстинктивно отшатнулся. Но все же, когда я схватил его за правую руку и развернул ее ладонью вверх, он не оттолкнул меня. Я изучил линии ладони – глубокие, неровные, говорившие о несправедной жизни. Понемногу я стал различать цвета его ауры, ржаво-коричневый и светло-светло-голубой, почти серый. Его духовная энергия была истощена и истончилась, словно у него больше не хватало сил защищаться от внешнего мира. Внутри этот человек был не более живым, чем засохшее растение.

Растеряв духовную энергию, он удвоил физическую, которой пользовался с излишней расточительностью.

У меня быстрее забилося сердце, потому что удалось кое-что разглядеть. Все яснее и яснее проявлялась картинка.

Молодая женщина с каштановыми волосами и голыми ногами, покрытыми черной татуировкой, укрывала плечи красной расшитой шалью.

– Ты потерял любимую, – сказал я и взял его левую руку.

Ее груди полны молока, а живот до того большой, как будто еще немного – и разорвется пополам. Она была в горячей лачуге. Всюду воины на конях с посеребренными седлами. В воздухе стоит тяжелый запах горячей человеческой плоти. У всадников плоские широкие носы, короткие и толстые шеи, а сердца у них тверже камня. Могучая армия Чингисхана.

– Ты потерял двоих любимых людей, – исправил я свою ошибку. – Твоя жена была тяжела твоим первенцем.

Трактирщик свел брови на переносице, не отрывая взгляда от своих кожаных сапог, потом крепко сжал губы, и его лицо стало непроницаемым. За одно мгновение он как будто постарел на много лет.

– Я знаю, что не может быть тебе утешения, но полагаю, кое-что ты должен знать, – произнес я. – Ее убили не огонь и не дым. Доска упала с потолка и ударила ее по голове. Она умерла мгновенно, не почувствовав боли. Ты всегда считал, что она очень мучилась, а на самом деле ничего такого не было.

Трактирщик наклонился, будто придавленный невидимым грузом.

– Как ты узнал? – проскрипел он.

Я не стал ему отвечать.

– Ты винил себя за то, что не похоронил ее как полагается. Ты все еще видишь в снах, как она ползет из ямы, в которой похоронена. Твое сознание играет с тобой. На самом деле с твоей женой и сыном все в порядке, пятнышками света они путешествуют в бесконечности. – Потом я добавил, отчетливо произнося каждое слово: – Ты можешь опять стать овцой, потому что такова твоя душа.

Выслушав меня, трактирщик выдернул руку, как будто обжегся о сковородку.

– Дервиш, ты не нравишься мне. Сегодня оставайся, а завтра утром чтоб духу твоего тут не было. Не хочу видеть твое лицо в своем доме.

Вот так всегда. Стоит сказать правду, и тебя начинают ненавидеть. Чем больше говоришь о любви, тем сильнее тебя ненавидят.

Элла

18 мая 2008 года, Нортгемптон

Чувствуя себя выжатой как лимон после ссоры с Дэвидом и Дженет, Элла на некоторое время отложила в сторону “Сладостное богохульство”. У нее было ощущение, что приоткрылась крышка бурлящего котла и вместе с паром на волю вырвались конфликты и обиды. К несчастью, крышку сдвинула она сама, позвонив Скотту и попросив его оставить ее дочь.

Позднее Элла горько пожалеет о том, что наговорила по телефону. Но тем майским днем она была настолько уверена в том, что поступает правильно, что ни на секунду не могла даже представить себе, какие последствия может иметь ее вмешательство.

– Здравствуй, Скотт. Это Элла, мама Дженет. – Она постаралась говорить весело, словно каждый день звонила приятелю своей дочери. – У тебя есть свободная минутка?

– Миссис Рубинштейн, что я могу для вас сделать? – удивленно, но учтиво промямлил Скотт.

Не менее учтивым тоном Элла сказала, что ничего не имеет против него лично, но он слишком молод и слишком мало повидал в жизни, чтобы жениться; что пройдет немного времени, и он поймет, даже поблагодарит ее за своевременное предостережение. Потом она еще раз попросила его забыть о браке и никому не рассказывать об этом разговоре.

Воцарилась тишина.

– Миссис Рубинштейн, я полагаю, вы понимаете, – произнес Скотт, в конце концов вновь обретя голос, – что мы с Дженет любим друг друга.

Опять он про любовь! Неужели люди настолько наивны, что думают, будто любовь все покрывает?

Ничего этого Элла не сказала.

– Я понимаю твои чувства, – произнесла она. – Поверь мне, понимаю. Но ты еще молод, а жизнь очень длинная. Кто знает, может быть, завтра ты влюбишься в другую девушку?

– Миссис Рубинштейн, не хочу быть грубым, но не считаете ли вы, что это относится ко всем людям, включая вас? Кто знает? Может быть, завтра вы влюбитесь в другого мужчину.

Элла хмыкнула, и у нее это получилось громче, чем ей хотелось бы.

– Я взрослая замужняя женщина. Я давно сделала свой выбор. И мой муж тоже. Об этом-то я и говорю. Брак – серьезное дело, и решение нужно принимать с большой осторожностью.

– Вы хотите сказать, что я не должен жениться на вашей дочери, которую люблю, так как могу когда-нибудь влюбиться в другую девушку? – спросил Скотт.

Беседа ни к чему не привела, оба были расстроены и разочарованы. Когда наконец они закончили разговор, Элла отправилась в кухню и стала делать то, что делала обычно, когда ощущала внутренний разлад. Она принялась за готовку.

Спустя полчаса Элле позвонил муж:

– Не могу поверить, что ты звонила Скотту и сказала ему, чтобы он не женился на нашей дочери. Скажи, что ты ничего такого не делала.

Элла тяжело вздохнула:

– Ну до чего же быстро распространяются слухи! Дорогой, позволь мне объяснить.

Однако Дэвид не стал ее слушать.

– Нечего объяснять. Ты поступила неправильно. Скотт все рассказал Дженет, и она ужасно расстроена. Несколько дней она поживет у друзей. Сейчас она не хочет тебя видеть. – Дэвид немного помолчал. – И я не могу винить ее за это.

Вечером не только Дженет не пришла к ужину. Дэвид послал Элле сообщение, что у него возникло срочное дело. Что за срочное дело, он не объяснил.

Такое поведение было не в его стиле. Он мог флиртовать с другими женщинами, мог спать с ними, но вечером всегда возвращался и ужинал дома. Каким бы глубоким ни был конфликт, Элла всегда готовила ужин, и Дэвид всегда, с радостью и благодарностью, съедал все, что бы она ни положила в его тарелку. Он никогда не забывал сказать спасибо – искреннее спасибо, – которое Элла воспринимала как завуалированное извинение за супружескую неверность. И она прощала его. Всегда прощала.

В первый раз муж повел себя с такой откровенной бесцеремонностью, но Элла ругала за это себя. Как всегда, будто “вина” было вторым именем Эллы Рубинштейн.

Когда Элла села за стол со своими двойняшками, сознание вины уступило место печали. И хотя с виду Элла была такой же, как всегда, заботливой матерью, она чувствовала, как в ней поднимается волна отчаяния, а во рту вдруг появился острый привкус желчи.

Когда с ужином было покончено, она еще долго сидела одна за кухонным столом, ощущая в наступившей тишине что-то тягостное. И вдруг та еда, которую она постоянно готовила, да и вообще весь домашний труд показался ей отупляюще скучным. Элле стало обидно за себя. Она жалела, что не сумела правильно распорядиться своей жизнью, а ведь ей уже стукнуло сорок. В душе у нее много любви, но кому она нужна?

Элла вернулась мыслями к “Сладостному богохульству”, так ее заинтриговал характер Шамса Тебризи.

“Хорошо бы кто-нибудь наподобие него оказался рядом, – мысленно пошутила она. – С таким человеком ни одного дня не было бы скучно!”

В это мгновение Элла мысленно увидела перед собой высокого, мрачного вида таинственного мужчину в кожаных штанах, в куртке мотоциклиста, с длинными, до плеч, черными волосами; он управлял сверкающим красным “харли-дэвидсоном” с красными кисточками, свисавшими с руля. Она улыбнулась ему. Симпатичный сексуальный суфий быстро ехал по пустынной дороге. А неплохо было бы с таким парнем путешествовать автостопом!

Интересно, что Шамс прочитал бы по ее ладони? Может быть, он объяснил бы ей, почему время от времени ее мысли становятся такими мрачными? Или почему ей одиноко, хотя у нее большая и любящая семья? И каких цветов ее аура? Насколько они яркие? И вообще – что в ее жизни было ярким в последнее время? Или не в последнее время?..

Именно тогда, сидя за кухонным столом, Элла поняла, что, несмотря на все свои высокие слова, несмотря на умение сохранять присутствие духа, в глубине души она все еще мечтает о любви.

Шамс

Март 1242 года, постоялый двор в пригороде Самарканда

Больше дюжины усталых путников, погруженные каждый в свой сон, спали на верхнем этаже постоялого двора. Мне пришлось переступить через чьи-то голые ноги и руки, пока я добрался до своей свернутой постели, от которой воняло потом и плесенью. Лежа в темноте, я перебирал в уме события прошедшего дня, вспоминал, не было ли божественных знаков, которые я по своей торопливости и невежеству не сумел оценить.

Еще в детстве у меня были видения, и я слышал голоса. Я постоянно разговаривал с Богом, и Он не оставлял меня без ответов. Иногда я легко возносился наверх, на седьмое небо. Иногда проваливался в какую-то глубокую яму, скрытую между могучими дубами и пахнущую землей. Тогда я терял аппетит и мог не есть по многу дней. Меня ничто не пугало, и со временем я научился не болтать попусту о своих видениях. Люди обычно относятся с пренебрежением к тому, чего не понимают. И в первую очередь я запомнил именно это.

Первым человеком, который неправильно истолковал мое видение, был мой отец. Мне исполнилось лет одиннадцать, когда я стал каждый день видеть своего ангела-хранителя, но был настолько наивен, что думал, будто это свойственно всем. Однажды, когда отец учил меня мастерить сундук из кедра, желая в будущем видеть во мне плотника, как и он сам, я рассказал ему об ангеле-хранителе.

– У тебя слишком богатое воображение, сын, – сухо отозвался он. – Лучше держи такие вещи при себе. Ни к чему нам вновь привлекать внимание соседей.

Дело в том, что несколькими днями раньше соседи пожаловались на меня родителям, что я, мол, странно себя веду и пугаю их детей.

– Я не понимаю тебя. Почему ты не можешь согласиться с тем, что ты похож на своих родителей? – спросил отец. – Все дети похожи на своих отцов и матерей. И ты тоже.

Тогда я понял, что, несмотря на свою любовь к родителям и их любовь ко мне, мы совсем разные.

– Отец, я из другого яйца, нежели твои остальные дети. Представь, что я утка, выкормленная курицей. Я не домашняя птица, которой предстоит всю жизнь провести в одном курятнике. Тебя вода пугает, а в меня она вселяет силы. В отличие от тебя я умею и буду плавать. Мой дом – океан. Если ты со мной, поплывем вместе. Если нет, перестань мне мешать и оставайся в своем курятнике.

У отца округлились глаза, потом он сощурился, как бы отстраняясь от меня.

– Если ты уже теперь так говоришь со своим отцом, – произнес он печально, – как же ты будешь говорить с врагами, когда вырастешь?

К огорчению родителей, видения не исчезали по мере того, как я выросл. Наоборот, они посещали меня все чаще, и они становились все более впечатляющими. Я понимал, что мать с отцом страдают, и чувствовал себя виноватым, однако понятия не имел, как прекратить видения. Но даже если бы знал, вряд ли сделал бы это. Ну а потом я навсегда покинул родной дом. С тех пор “Шамс” стал самым сладким, самым приятным, самым милым словом в моем языке. Три запаха остались как напоминание о детстве: запах срубленного дерева, запах макового хлеба и запах легкого скрипучего снега.

С тех пор я странствующий дервиш, никогда не сплю чаще одной ночи в одном месте, никогда не ем дважды из одной миски и каждый день вижу вокруг себя разные лица. Когда я голоден, то зарабатываю несколько монет, толкуя людям их сны. Вот так я и брожу на Востоке и на Западе в поисках Бога. Я ищу настоящую жизнь, которая стоит того, чтобы жить, и ищу то знание, которое стоит того, чтобы его знать. И нигде не пускаю корни, иду куда хочу.

Во время своих путешествий я исходил множество дорог, от всем известных торговых путей до заброшенных троп, на которых много дней можно не встретить ни души. От побережья Черного моря до городов Персии, от необозримых азиатских степей до аравийских песчаных дюн. Я бродил по густым лесам, зеленым равнинам и пустошам; бывал в караван-сараях и на постоянных дворах; беседовал с учеными в старых библиотеках; слушал учителей, учивших малых детей в *мактабах*⁹; принимал участие в дискуссиях о *тафсир*¹⁰ со студентами медресе; посещал храмы, монастыри и святилища; медитировал с отшельниками в их пещерах; совершал ритуалы *зикр*¹¹ с дервишами; голодал с мудрецами и обедал с еретиками; плясал с шаманами при полной луне. Я узнал людей всех вер, возрастов и занятий; я наблюдал несчастья и чудеса.

Я видел нищие деревни, черные, сожженные поля и разграбленные города, по которым бежали красные реки и в которых не осталось в живых ни одного мужчины или подростка старше десяти лет. Я видел самое худшее и самое лучшее. И меня больше ничто не удивляет.

Пройдя через все эти испытания, я решился написать то, чего нет ни в одной книге, потому что это родилось в моей душе. Это некий список, который я назвал «Основные принципы странствующих мистиков-мусульман». Для меня он стал универсальным, надежным и неизменным, как законы природы. Все эти принципы представляют собой «Сорок правил религии любви», которые могут претворяться в жизнь единственно посредством любви. Одно из этих правил гласит: «Дорога к Истине – это труд сердца, а не головы. Пусть твое сердце станет твоим главным путеводителем! Но не голова. Сходись, соперничай и побеждай нафс сердцем. Познай свое истинное “я”, и ты познаешь Бога”.

Мне потребовались годы, чтобы уточнить эти правила. И когда я сделал это, то понял, что близок к завершающему этапу своей жизни. Однако печалила меня не смерть, потому что я не видел в ней конец всего, – печалило то, что я не оставлю наследства. У меня в душе скопилось много такого, что я хотел бы рассказать. Свои знания и мысли я мечтал передать другому человеку, но не учителю и не ученику. Я искал равного себе – собеседника.

– Боже, – шептал я в своей темной сырой комнате, – всю свою жизнь я странствовал по свету Твоей тропой. Любого человека я читал как открытую книгу, как живой Коран. Я жил не в башне из слоновой кости, подобно многим ученым мужам, я предпочитал проводить время с людьми – с изгоями, беженцами и изгнанниками. Больше нет сил терпеть. Помогите мне передать Твою мудрость правильному человеку. И тогда делай со мной что пожелаешь.

И вдруг в комнате стало светло как днем. Показалось, воздух посвежел, будто кто-то распахнул все окна, а порыв ветра принес аромат лилий и жасмина из дальних садов.

– Иди в Багдад, – услышал я голос моего ангела-хранителя.

– Что будет в Багдаде? – спросил я.

– Ты молился о собеседнике, и тебе будет дан собеседник. В Багдаде ты встретишь учителя, и он укажет тебе правильное направление.

Из глаз у меня потекли слезы благодарности. Теперь я знал, что человек из моих видений не кто иной, как мой будущий собеседник, мой духовный брат. Рано или поздно нам предназначено встретиться. И когда это произойдет, я узнаю, почему его добрые карие глаза всегда печальны, и узнаю, почему меня убьют весенней ночью.

⁹ Мактаб (мектеб) – начальная школа в странах Востока. (Прим. автора)

¹⁰ Тафсир – толкование и комментирование Корана. (Прим. автора).

¹¹ Зикр – духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы с именем Аллаха. (Прим. автора).

Элла

19 мая 2008 года, Нортгемптон

Помня о своих домашних обязанностях, Элла закрыла рукопись “Сладостного богохульства”, запомнив нужную страницу, и убрала ее со стола. Однако ее заинтересовал автор романа, и она, выйдя в Интернет, стала искать там А. З. Захару. Впрочем, она не ожидала найти ничего особенного.

Как ни странно, обнаружился личный блог писателя. Вся страничка была в аметистовых и бирюзовых цветах, а наверху – медленно кружащийся мужчина в длинном белом одеянии. Никогда прежде не видевшая кружащихся дервишей, Элла всмотрелась в картинку. Блог именовался “Яичная скорлупа под названием “жизнь”. Внизу было стихотворение с тем же названием:

Когда-нибудь с тобой поговорим!
Когда-нибудь с тобой побудем рядом!
Ведь мы с тобой похожи изнутри —
Пусть с виду совершенно разны.

В блоге оказалось много сообщений из самых разных городов мира. Под каждым было несколько слов о том месте, из которого оно пришло. Три момента привлекли ее внимание. Первый: буква “А” в А. З. Захара означала Азиз. Второй: Азиз считал себя суфием. Третий: в это время он путешествовал где-то в Гватемале.

В другом разделе размещались фотографии, сделанные им в тех местах, где он побывал. В основном это были портреты людей разных рас и национальностей. Несмотря на явные различия, этих людей кое-что объединяло: у всех чего-то не хватало. У некоторых отсутствовала какая-то деталь одежды, например сережка, туфля, пуговица; у других нечто более существенное – зуб, палец, нога. Под фотографиями Элла прочитала:

Не важно, кто мы и где живем, глубоко внутри мы все ощущаем себя неполноценными, как будто что-то потеряли и нам необходимо это найти. Что это, большинство из нас никогда не узнает. Ну а те немногие, которые узнают, смогут отправиться на поиски.

Элла внимательно читала, рассматривая каждую открытку и не пропуская ни одного комментария Азиза. Внизу страницы был электронный адрес – azizZzahara@gmail.com. Она переписала адрес на листок бумаги, а потом обнаружила стихотворение Руми:

Ищи Любовь, Любовь! Без сладостной Любви
Не стоит жить на свете – сам пойми.

Элла прочитала стихотворение, и ее будто озарила странная мысль: ей вдруг показалось, что весь блог Азиза З. Захары – все фотографии, комментарии, цитаты и стихотворения, – все предназначалось исключительно ей одной.

Позднее она сидела у окна, чувствуя огромную усталость и некоторое недовольство собой. Солнце уже садилось, а воздух в кухне был полон ароматом шоколадных пирожных с орехами, которые пеклись в духовке. Рукопись “Сладостного богохульства” лежала открытая на столе, однако за день Элла столько всего передумала, что теперь никак не могла сосредоточиться на ней. Неожиданно ей пришло в голову, что, возможно, стоило бы самой сочинить

основные правила жизни. Почему бы не назвать их “Сорок правил погрязшей в земных заботах домашней хозяйки”?

– Правило номер один, – пробормотала она. – Перестань мечтать о любви! Есть гораздо более важные вещи в жизни сорокалетней замужней женщины.

Однако эта шутка напомнила ей о куда более важных вещах. Не в силах больше сдерживаться, она позвонила дочери. И нарвалась на автоответчик.

– Дженет, дорогая, знаю, с моей стороны было неправильно звонить Скотту. Но я не имела в виду ничего плохого, просто хотела убедиться...

Элла помолчала, жалея, что не подготовила заранее свою речь. Слыша тихое шипение автоответчика, она занервничала.

– Дженет, извини меня. Знаю, мне не на что жаловаться, когда у меня такая замечательная семья. Но пойми, я... я очень... несчастна...

Щелчок. Выключился автоответчик. У Эллы сжалось сердце, едва она осознала свои слова. И что на нее нашло? Ведь ей даже в голову никогда не приходило, будто она несчастна. Неужели можно быть в депрессии и не знать об этом? Удивило ее и то, что она нисколько не раскаивалась, что сказала это.

Взгляд Эллы упал на листок бумаги с электронным адресом Азиза З. Захары. Адрес был простым, он как будто приглашал что-нибудь написать. Не особенно раздумывая, Элла подошла к компьютеру и принялась сочинять послание:

Дорогой Азиз З. Захара!

Меня зовут Элла, и я по заданию литературного агентства читаю Ваш роман “Сладостное богохульство”. Признаюсь, что успела прочесть всего несколько страниц, но они мне очень понравились. Это мое личное мнение, независимое от взглядов моего босса. Сомневаюсь, что он станет руководствоваться им, решая, заключать ли с Вами договор.

Мне показалось, будто Вы верите в то, что суть нашей жизни – в любви и все остальное не имеет большого значения. К сожалению, я не совсем с Вами согласна. Но пишу я Вам не по этому поводу.

Я пишу потому, что чтение Вашего романа “Сладостное богохульство” странным образом совпало с неожиданным событием в моей собственной жизни. Сейчас я пытаюсь убедить свою старшую дочь в том, что ей не стоит в ее юном возрасте выходить замуж. Накануне я попросила ее мальчика отказаться от их планов. Теперь дочь ненавидит меня и отказывается со мной разговаривать. Мне кажется, что с Вами она поладила бы, поскольку у вас обоих похожие взгляды на любовь.

Прошу прощения за то, что обременяю Вас своими проблемами. Такого намерения у меня не было. В Вашем блоге сказано, что Вы в Гватемале. Наверное, чудесно путешествовать по миру. Если вдруг окажетесь в Бостоне, вероятно, мы могли бы встретиться и поговорить за чашкой кофе.

Всего доброго,

Элла

Элла сама не понимала, как случилось, что она, сидя в своей уютной тихой кухне, сочинила послание к неизвестному человеку, которого не ожидала увидеть ни в ближайшее время, ни когда-либо в будущем.

Учитель

Апрель 1242 года, Багдад

Багдад не заметил прибытия Шамса Тебризи, а вот я никогда не забуду тот день, когда он в первый раз появился в скромном приюте для странствующих дервишей. Мы принимали важных гостей. С группой своих приближенных к нам прибыл верховный судья; я полагал, что его визит – нечто большее, чем простое проявление дружеских чувств. Известный своим отрицательным отношением к суфизму, судья хотел напомнить мне, что не упускает нас из вида в точности так же, как держит под контролем всех суфиев подвластного ему региона.

У него было широкое лицо, обвисший живот и короткие толстые пальцы, унизанные дорогими кольцами. Судье следовало быть более умеренным в еде, однако полагаю, ни у кого не хватало смелости сказать ему об этом, даже его врачам. Судья был влиятельным человеком в наших местах. О его честолюбии и властности ходили легенды. Ему, выходящему из семьи влиятельных богословов, ничего не стоило одним росчерком пера отправить человека на виселицу или с такой же легкостью простить преступника, освободив его из любого застенка. Всегда в одеждах из мехов и дорогих тканей, он нес себя с величием уверенного в своей власти человека. Мне не нравилась его самовлюбленность, однако ради благополучия общины я делал все возможное, чтобы оставаться в добрых отношениях с этим влиятельным представителем власти.

– Мы живем в самом роскошном городе мира, – произнес судья, отправляя в рот смокву. – Сегодня Багдад переполнен беженцами, спасающимися от монголов. Мы даем им безопасное пристанище. Багдад стал центром мира, вы согласны со мной, Баба Заман?

– Этот город настоящая жемчужина, – не без осторожности согласился я. – Но нам не пристало забывать, что города похожи на смертных. Они рождаются, потом наступает пора детства и юности, а потом они стареют и в конце концов умирают. Сейчас Багдад хорош своей молодостью. Хотя мы и не так богаты, как были во времена калифа Гарун аль-Рашида, тем не менее можем гордиться нашим городом как центром торговли, искусств и поэзии. Но никто не знает, каким Багдад будет через тысячу лет. Все может измениться.

– К чему такой пессимизм? – Судья покачал головой, потянулся к другой миске и взял финик. – Правление Аббасидов будет вечным, и мы вечно будем процветать. Конечно, если какие-нибудь предатели и смутьяны не захотят нарушить установленный порядок. Есть люди, называющие себя мусульманами, которые, однако же, гораздо опаснее неверных. Ибо нет ничего опаснее, чем извращенное толкование нашей веры.

Я предпочел ничего не отвечать. Известно было, что судья считал смутьянами всех суфиев с их мистическим и отчасти индивидуалистским толкованием ислама. Он обвинял нас в том, что мы непочтительны к Закону, к его правилам и обрядам, и тем самым не уважаем людей, облеченных властью, – то есть таких, как он сам. Иногда у меня складывалось впечатление, что он готов изгнать всех суфиев из Багдада.

– Ваше-то братство безобидно, но не считаешь же ты, что все суфии строго соблюдают Закон? – спросил судья, поглаживая бороду.

Как ему ответить? Слава Богу, как раз в эту минуту мы услышали стук в дверь. Вошел рыжий служка. Он приблизился ко мне и прошептал на ухо, что у нас гость, странствующий дервиш, который настаивает на свидании со мной и отказывается говорить с кем бы то ни было еще.

Обычно в таких случаях я просил отвести гостя в тихую комнату и накормить его, чтобы он подождал, пока я провожу посетителей. Но теперь, когда судья поставил меня в затруднительное положение, я подумал, что неплохо пригласить странствующего дервиша к нам: возможно, он разрядит обстановку, рассказав пару любопытных историй о жизни в дальних странах. Я попросил пригласить гостя к нам.

Несколько минут спустя дверь вновь отворилась, и вошел человек, одетый во все черное. Худой, изможденный, неопределенного возраста, он сразу привлек мое внимание. У него был острый нос, глубоко посаженные черные глаза и темные волосы, густыми кудрями падавшие на лоб. Одет он был в длинный плащ с капюшоном и сапоги из овечьей кожи. На шее у него висело несколько амулетов. В руке он держал деревянную миску – в такие нищенствующие дервиши принимают подаяние, – как символ преодоления тщеславия и гордыни. Мне сразу стало ясно, что пришедший не обратил особого внимания на судью с его свитой. То, что его самого могут принять за бродягу или попрошайку, похоже, было ему безразлично.

Едва я увидел, как он стоит возле двери, ожидая разрешения войти и представиться, то сразу понял, что он не похож на прочих дервишей. Это было в его глазах, жестах, во всем его облике. Он был подобен желудю, который кажется маленьким и слабым, хотя на самом деле носит в себе зародыш мощного дуба. Дервиш поглядел на меня пронзительным взглядом и молча кивнул.

– Добро пожаловать, дервиш, – сказал я и указал рукой на подушки напротив меня.

Поприветствовав всех, дервиш сел, внимательно вглядываясь в людей вокруг и не упуская ни единой подробности. Потом его взгляд остановился на судье. Наверное, не меньше минуты они не сводили друг с друга глаз, не произнося ни единого слова. Мне было очень любопытно, что они думают друг о друге – такие разные, стоящие на противоположных полюсах иерархической лестницы.

Я предложил дервишу теплого козьего молока, сладких смоков и фиников, но он вежливо отказался. На вопрос, как его зовут, он сказал, что его имя Шамс Тебризи и он странствующий дервиш, ищущий Бога.

– И ты нашел Его? – спросил я.

Тень легла на лицо дервиша; он кивнул.

– Конечно, Он всегда и всюду со мной.

Не заботясь о соблюдении приличий, судья ухмыльнулся:

– Никогда не мог понять, зачем вы, дервиши, так усложняете свою жизнь. Если Бог всегда и всюду с тобой, зачем же ты бродишь по земле в поисках Его?

Шамс в задумчивости опустил голову и несколько минут не отвечал. Потом он снова поднял голову. Лицо его было спокойным, голос звучал ровно:

– Затем, что Его могут найти лишь ищущие.

– Игра слов, – усмехнулся судья. – Ты хочешь сказать нам, что мы не найдем Бога, оставаясь всю жизнь на одном месте? Чепуха. Не всем должно одеваться в лохмотья и подобно тебе шагать по дорогам.

Раздался смех: так присутствующие пожелали выразить свое согласие с судьей. Это был неуверенный смех несчастных, слабых людей, угождающих власть имущим. Мне стало не по себе. Очевидно, я ошибся, сведя судью и дервиша.

– Вероятно, вы меня неправильно поняли. Я не говорил, что нельзя найти Бога, оставаясь в родном городе. В этом нет ничего невозможного, – продолжал дервиш. – Есть люди, которые ни разу не уезжали из дома, но тем не менее нашли Его.

– Правильно! – радостно воскликнул судья, однако его радость была недолгой.

Дервиш заговорил снова:

– Я имел в виду, судья, что нельзя найти Бога, одеваясь в меха и шелка и драгоценные камни, как ты сегодня.

В комнате воцарилась тягостная тишина. Все затаили дыхание.

– Для дервиша у тебя слишком острый язык, – произнес наконец судья.

– Если долг велит мне говорить, я буду говорить, даже если весь мир вцепится мне в горло и прикажет замолчать.

Судья нахмурился, но потом как бы примирительно пожал плечами.

– Ну что ж, – сказал он. – Ладно, такие люди, как ты, нам тоже нужны. Перед твоим приходом мы как раз обсуждали, как прекрасен наш город. Наверное, ты повидал много мест. Есть ли на свете город лучше Багдада?

Переводя взгляд с одного на другого, Шамс негромко проговорил:

– Слов нет, Багдад – великий город, но красота не бывает вечной на земле. Города поднимаются, если в них отражаются сердца их жителей. Если сердца теряют веру, города приходят в упадок. Так происходит постоянно.

Я не удержался и кивнул. Шамс из Тебриза повернулся ко мне, и в его глазах я увидел дружеское участие. Он смотрел на меня, а я словно чувствовал прикосновение теплых солнечных лучей. Тогда я понял, что он достоин своего имени. Этот человек излучал жизненную силу. Он и вправду был Шамсом, “солнцем”.

Однако судья был другого мнения:

– У вас, суфиев, все слишком сложно. Как у философов и поэтов. Зачем столько слов? Люди – простые существа с простыми нуждами. Вождям надо следить, чтобы их нужды были удовлетворены и чтобы они сами не сходили с прямой дороги. А для этого нужно лишь строго соблюдать законы.

– Закон, что свеча, – отозвался Шамс Тебризи. – Он дает нам свет. Но не стоит забывать, что со свечой мы можем во тьме переходить из одного места в другое. Если же мы забываем, куда идем, и сосредоточиваем все свое внимание на свече, то разве это хорошо?

Судья скривился. Его лицо стало непроницаемым. Я испугался. Вступая в дискуссию о Законе с судьей, дело которого судить и наказывать, человек заплывает в опасные воды. Знает ли об этом Шамс?

Подыскивая подходящий предлог, чтобы увести дервиша из комнаты, я услышал его голос:

– Есть правило, которое подходит всем.

– Какое такое правило? – подозрительно переспросил судья.

Шамс выпрямился, устремил взгляд как будто в невидимую книгу и произнес:

– Любой и каждый понимает Святой Кур’ан на своем уровне в зависимости от глубины проникновения. Есть четыре уровня проникновения. Первый уровень внешний, и им удовлетворяется большинство людей. Следующий – внутренний уровень. Третий – внутренний внутреннего уровня. А четвертый уровень столь глубок, что о нем нельзя сказать словами, и потому он остается неопианным. Ученые же, – продолжал, блестя глазами, Шамс, – которые сосредоточиваются на законе, знают внешний смысл. Суфии знают внутренний смысл. Святые знают внутренний смысл внутреннего смысла. А что касается четвертого смысла, его знают только пророки, приближенные к Богу.

– Ты утверждаешь, что простой суфий глубже понимает Кур’ан, чем ученый богослов? – спросил судья, барабанив пальцами по чашке.

В едва заметной ироничной усмешке скривились губы дервиша, и он ничего не ответил.

– Будь осторожен, мой друг, – произнес судья. – Слишком тонка грань между твоими словами и откровенным богохульством.

Если в его словах и была угроза, дервиш как будто не заметил ее.

– Что такое откровенное богохульство? – задал он вопрос и, не дождавшись ответа, тяжело вздохнул. – Позволь мне рассказать одну историю.

И вот что он рассказал:

“Однажды, когда Муса в одиночестве бродил по горам, он в отдалении увидел пастуха, в молитве стоявшего на коленях и воздевавшего руки к небу. Мусе это понравилось. Но, когда он подошел поближе, его ошеломило то, что он услышал.

“О мой возлюбленный Бог, я люблю Тебя больше, чем Ты думаешь. Я все сделаю для Тебя, только скажи. Даже если бы Ты попросил меня зарезать самую жирную овцу в моей

отаре, я бы сделал это без сожаления. Ты бы зажарил ее и положил ее курдюк в рис, чтобы он стал вкуснее”.

Медленно приближаясь к пастуху, Муса внимательно слушал его.

“Потом я вымою Тебе ноги, почишу Тебе уши и выберу всех вшей. Вот как сильно я люблю Тебя”.

Услышав это, Муса закричал, прервав пастуха:

“Остановись, невежа! Что это тебе взбрело в голову? Неужели ты считаешь, что Бог ест рис? Думаешь, Богу нужно мыть ноги? Это не молитва. Это богохульство”.

Смущенный и пристыженный пастух много раз извинился перед Мусой и обещал молиться так, как это делают ученые люди. А Муса научил его нескольким молитвам. И отправился дальше, искренне довольный собой.

В тот же вечер Муса услышал голос. Это был голос Бога.

“Ох, Муса, что же ты наделал? Ты выбрал несчастного пастуха, не поняв, как дорог он Мне. Может быть, он говорил неправильно и не так, как положено, но он говорил искренне. Его сердце было чистым, а намерения добрыми. Он понравился Мне. Для твоих ушей, возможно, его слова звучали как богохульство, но для Меня они были сладостным богохульством”.

Муса сразу же понял свою ошибку. На другой день, встав пораньше, он пошел на гору, где накануне встретил пастуха. Вскоре он нашел его. Пастух опять молился, но на сей раз он молился так, как его научил Муса. Он что-то неразборчиво бормотал, не выказывая ни волнения, ни страсти. Сожалея о происшедшем, Муса похлопал пастуха по спине и сказал: “Мой друг, я был неправ. Пожалуйста, прости меня. Молись как умеешь. Это самое главное для Бога”.

Пастух удивился и вздохнул с большим облегчением. Тем не менее он не захотел вернуться к своим прежним молитвам. Но и правильные молитвы Мусы не пришлись ему по душе. Он нашел новый способ разговаривать с Богом. И Богу понравилась его наивная любовь: он поднялся на другую ступень – выше своего сладостного богохульства”.

– Вот видите, не стоит судить людей по тому, как они говорят с Богом, – подвел итог Шамс. – У каждого свой путь и своя молитва. Не по словам нашим судит нас Бог. Он заглядывает глубоко нам в сердце. Правила и ритуалы – не главное, главное, насколько чисты мы сердцем.

Взглянув на судью, я понял, что под маской спокойствия и уверенности он скрывает раздражение. В то же время, будучи умным человеком, он понимал, что попал в затруднительное положение. По правилам ему нужно было бы наказать дервиша за дерзость, но тогда дело примет серьезный оборот и все узнают, что простой дервиш посмел противоречить верховному судье. Так что выгоднее было сделать вид, что ему нечего беспокоиться, так как к нему эта история не имеет никакого отношения.

Солнце заходило. Вскоре судья поднялся, сказав, что его ждут важные дела. Кивнув мне и холодно посмотрев на Шамса Тебризи, он вышел из комнаты. Его свита безмолвно последовала за ним.

– Боюсь, судья невзлюбил тебя, – сказал я, когда мы остались наедине с дервишем.

Шамс убрал волосы с лица и улыбнулся:

– О, это ничего. Я редко нравлюсь людям. Я привык.

Меня охватил страх. Я понимал, что такие гости нечасто бывают у нас.

– Скажи, дервиш, что привело тебя в Багдад?

Я очень хотел услышать ответ, но, как ни странно, и боялся его услышать.

Элла

20 мая 2008 года, Нортгемптон

Той ночью, когда Дэвид не пришел домой, Элле снились полуголые женщины, танцующие танец живота, и дервиши; она видела во сне и грубых воинов, обедающих в придорожном постоялом дворе; им одну за другой таскали тарелки с пирогами и сладостями.

Потом Элла увидела себя. Она искала кого-то то на шумном базаре, то в какой-то крепости, находящейся в какой-то чужой стране. Вокруг нее медленно двигалось множество людей, как будто они тоже танцевали под неслышную ей мелодию. Элла остановила толстяка с обвисшими усами, чтобы спросить о чем-то, но забыла, о чем хотела его спросить. Он непонимающе посмотрел на нее и побрел прочь. Потом она попыталась заговорить еще с кем-то, но никто ей не отвечал. Поначалу она решила, что ее не понимают, потому что она не знает местного наречия. Но потом поднесла руку ко рту и с ужасом обнаружила, что у нее отсутствует язык. В панике она стала оглядываться в поисках зеркала, чтобы посмотреть на себя и понять, сильно ли она изменилась, однако зеркала нигде не было. Тогда Элла заплакала и проснулась от странных звуков.

Когда она открыла глаза, то увидела, что Спирит отчаянно скребется в заднюю дверь. Наверное, какой-то зверек забрался на крыльцо. Особенно пес не любил скунсов. Наверное, он до сих пор не забыл столкновение с одним из них прошлой зимой. Элла несколько недель пыталась вывести отвратительную вонь, тщательно мыла собаку, но запах, напоминающий паленую резину, все-таки оставался.

Элла взглянула на часы, висевшие на стене. Без пятнадцати три. Дэвид все еще не вернулся и, может быть, никогда не вернется. Дженет не перезвонила. В полном унынии Элла усомнилась, что та вообще когда-нибудь перезвонит. В ужасе оттого, что муж и дочь отвернулись от нее, Элла открыла холодильник и несколько минут взглядом перебирала продукты. Хотелось съесть вишнево-ванильного мороженого, но страх набрать лишний вес перевесил. Сделав над собой усилие, Элла отошла от холодильника и резко захлопнула дверцу.

Она открыла бутылку красного вина. Вино было хорошее, легкое, с горьковато-сладким привкусом, как она любила. Только наполнив второй стакан, Элла подумала, что могла бы открыть дорогое бордо Дэвида “Шато Марго 1996”. Не зная, что предпринять, она с мрачным видом уставилась на бутылку.

Слишком устав за день и засыпая на ходу, Элла решила напоследок проверить электронную почту. Среди дюжины никчемных сообщений она обнаружила послание от Мишель с вопросом о том, как продвигается работа над рукописью, и письмо от Азиза З. Захары.

Дорогая Элла (если мне будет позволено так Вас называть)!

Ваше письмо застало меня в гватемальской деревне, которая называется Моностенанго. Это одно из немногих мест, где люди все еще придерживаются календаря майя. Прямо напротив моей гостиницы стоит дерево желаний, украшенное сотнями кусочков ткани всевозможных расцветок. Его тут называют Деревом разбитых сердец. Люди с разбитыми сердцами пишут свои имена на клочках ткани и привязывают их к веткам, молясь о том, чтобы их сердца были излечены.

Надеюсь, Вам это не покажется слишком дерзким, но, прочитав Ваш e-mail, я пошел к дереву и помолился о том, чтобы Вы и Ваша дочь помирились. Ни одна искра любви не должна остаться незамеченной, потому что, как говорил Руми, любовь – живая вода.

В прошлом мне помогла одна вещь. Я перестал мешать окружающим меня людям жить, как они хотят, и перестал отчаиваться, когда не мог

изменить их. Если позволите, то вместо вмешательства я бы предложил Вам смирение.

Некоторые делают большую ошибку, принимая “смирение” за “слабость”, тогда как к слабости это не имеет никакого отношения. Смирение – это форма мирного приятия условий человеческого общежития, включая все то, что мы не можем в данное время изменить или понять.

Согласно календарю майя, сегодня хороший день. Большая часть астрологических перемещений пока в пути и возвещает о новом человеческом сознании. Мне следует поспешить и отправить Вам это послание до захода солнца, то есть до конца сегодняшнего дня.

Любовь может настичь Вас, когда и где Вы меньше всего ее ждете.

Искренне Ваши

Азиз

Элла выключила ноутбук, тронутая тем, что совершенно незнакомый человек на другом краю света помолился о ее благополучии. Закрыв глаза, она представила, что ее имя написано на клочке ткани, привязанном к дереву желаний, и трепещет, словно воздушный змей.

Несколько минут спустя Элла открыла дверь кухни и, выйдя во двор, с наслаждением ощутила прохладный порыв ветра. Недовольный, беспокойный Спирит стоял рядом и все время нюхал воздух. Сначала он словно прищурился, потом в страхе широко открыл глаза и насторожил уши, как будто учуял вдалеке что-то пугающее. Элла и ее пес стояли рядом в свете луны и вглядывались в густую необъятную тьму, одинаково боясь того, что двигалось во мгле, и одинаково страшась неизвестности.

Послушник

Апрель 1242 года, Багдад

Бесконечно кланяясь и расшаркиваясь, я проводил судью до двери и поспешил обратно, чтобы собрать грязные миски и чашки. Как ни странно, Баба Заман и странствующий дервиш сидели в тех же позах, что и прежде, не произнося ни слова. Краем глаза я отметил это, не понимая, как такое возможно – вести беседу без слов. Поддавшись искушению, я нарочно тянул время, поправляя подушки, подбирая мусор, собирая крошки с ковра, но в конце концов мне все же пришлось уйти.

Неохотно поплелся я в кухню, где повар, едва увидев меня, принялся командовать.

– Протри стойку, вымой пол! Не забудь о посуде! Ототри печь и стены вокруг! А потом проверь мышеловки!

Прошло уже около полугода, как я пришел в этот приют суфиев, а повар все не давал мне житья. Каждый день я уставал от работы как собака, а он называл эту пытку духовной подготовкой, как будто мытье жирных мисок могло быть духовным занятием.

Человек не очень красноречивый, повар любил повторять одну мантру: “Чистота – это молитва, молитва – это чистота”.

– Если бы это было так, все женщины Багдада стали бы духовны, – один раз осмелился проговорить я в ответ.

Он бросил мне в голову деревянную ложку и закричал во всю мочь:

– Такие разговоры не кончатся ничем хорошим, сынок! Если хочешь стать дервишем, будь бессловесным, как деревянная ложка. Дерзость – плохая черта в послушнике. Меньше говори, больше думай!

Я ненавидел повара, но еще сильнее боялся его. И никогда не смел послушаться его приказов. До нынешнего вечера.

Едва повар отвернулся, я выскользнул из кухни и на цыпочках, стгорая от любопытства, вернулся к дверям главной комнаты, решив что-нибудь разузнать о странствующем дервише. Кто он? Зачем пришел к нам? Он был непохож на других дервишей. У него был пронзительный и непокорный взгляд, даже когда он в смирении опускал голову. В нем чувствовалось нечто необычное и непредсказуемое, и это пугало меня.

Я приник к щели в двери. Поначалу ничего не было видно. Но понемногу глаза привыкли к сумраку в комнате, и я стал различать лица учителя и дервиша.

– Шамс Тебризи, – спросил учитель, – что привело такого человека, как ты, в Багдад? Ты видел наш город во сне?

Дервиш покачал головой:

– Нет, меня привел сюда не сон. Мне было видение. Сны я никогда не вижу.

– Все видят сны, – ласково произнес Баба Заман. – Возможно, ты просто их не помнишь. Но это не значит, что ты их не видишь.

– Не вижу, – стоял на своем дервиш. – Таков был мой уговор с Богом. Понимаешь, когда я был ребенком, я видел ангелов, и моим глазам открывались тайны вселенной. Я рассказал о своих видениях родителям, но им это не понравилось, и они сказали, чтобы я перестал выдумывать. Я рассказал друзьям, но они тоже приняли меня за пустого мечтателя. Потом я рассказал о видениях своим учителям, и их ответ был таким же. Наконец я понял, что люди все необычное называют сном или мечтой. И я отверг эти слова.

После этого дервиш умолк, словно неожиданно услышал какой-то шум. И случилось нечто странное. Он поднялся на ноги, выпрямился и стал медленно, с осторожностью приближаться к двери, все время глядя в мою сторону. Как будто ему было известно, что я подглядываю за ним.

Неужели он видел сквозь дверь?

У меня бешено заколотилось сердце. Я хотел убежать в кухню, но не мог. Руки, ноги, все тело словно потеряло подвижность. Сквозь дверь черные глаза Шамса были устремлены на меня. Я был в ужасе, но в то же время тело мое налилось какой-то небывалой энергией. Дервиш подошел, положил ладонь на дверную ручку, однако, когда я уже решил, что сейчас дверь откроется и он схватит меня, что-то его остановило. Мне не было видно выражение его лица, и я не понимал, что изменило его намерения. Так мы стояли по разные стороны двери пару минут, длившиеся невыносимо долго. Потом дервиш повернулся ко мне спиной, отошел от двери и продолжил свой рассказ:

– Когда я немного повзрослел, то попросил Бога, чтобы Он забрал у меня способность видеть сны, чтобы каждый раз, видя Его, я точно знал, что это не сон. Он согласился. Вот почему я точно знаю, что у меня не сны, а видения.

Шамс Тебризи остановился возле открытых окон на другой стороне комнаты. На улице моросил дождь, и он долго смотрел на него, прежде чем сказать:

– Бог забрал у меня способность видеть сны. Однако, возмещая эту потерю, Он позволил мне понимать сны других людей. Я объясняю людям смысл их снов.

Я был уверен, что Баба Заман не поверит этой чепухе и посмеется над дервишем, как он постоянно смеялся надо мной.

Однако вместо этого учитель почтительно кивнул:

– Похоже, ты не такой, как другие. Говори же, что я могу для тебя сделать.

– Не знаю. На самом деле я надеялся, что ты сможешь сказать мне это.

– То есть как? – удивленно переспросил учитель.

– Почти сорок лет я был странствующим дервишем. Я научился понимать законы природы, а вот законы общества все еще далеки от моего понимания. Если нужно, я могу сразиться с диким зверем, но не могу причинить вред человеку. Я могу назвать любое созвездие на небе, любое дерево в лесу и как открытую книгу читать всех людей, которые сотворены Вседержителем по образу своему и подобию.

Шамс опять ненадолго замолчал, пока учитель зажигал масляную лампу. Потом он продолжил:

– Одно из правил гласит: “Ты можешь понять Бога через все и всех на свете, потому что Бог не только в мечети, синагоге или храме. Однако если ты все еще хочешь знать, где он пребывает, тогда ищи Его в сердце истинного приверженца Всевышнего”. Нет никого, кто остался бы в живых, увидев Его, так же как нет никого, кто умер бы, увидев Его. Кто отыщет Его, навсегда останется с Ним.

В сумрачной комнате Шамс Тебризи казался выше, чем был на самом деле, и волосы ниспадали ему на плечи.

– Много лет я молился Богу, чтобы Он дал мне собеседника, с которым я мог бы разделить свое знание. Наконец мне было видение в Самарканде. Мне было сказано, что я должен идти в Багдад и исполнить свое предназначение. Насколько я понимаю, тебе известно имя моего собеседника, известно, где он живет, и ты скажешь мне это, если не сейчас, то позднее.

Постепенно ночь сошла на землю, но, лишь когда комнату осветила луна, я понял, насколько уже поздно. Наверное, повар искал меня. Но мне было все равно. В первый раз мне было хорошо оттого, что я нарушил правила.

– Понятия не имею, какого ответа ты ждешь от меня, – пробормотал учитель. – Однако, если мне будет дано знание, которое я должен открыть тебе, уверен, оно придет ко мне в свой час. А до тех пор оставайся с нами. Будь нашим гостем.

Услышав это, странствующий дервиш смиренно поклонился и благодарно поцеловал руку Баба Замана. И тогда учитель задал дервишу странный вопрос:

– Ты говоришь, что готов отдать все свои знания другому человеку. Ты держишь Истину на ладони, словно жемчужину, и хочешь предложить ее кому-то. Однако открыть свое сердце для духовного света – непростая задача для смертного. Ты крадешь право Бога. И чем ты собираешься заплатить за это?

До конца жизни мне не забыть ответ дервиша.

– Я собираюсь заплатить своей головой.

По телу у меня побежали мурашки, я задрожал. Когда же я снова посмотрел в щелку, то обнаружил, что учитель потрясен не меньше моего.

– Наверное, достаточно на сегодня разговоров, – вздохнул Баба Заман. – Ты устал. Позволь мне позвать послушника. Он покажет тебе твою кровать, даст чистые простыни и стакан молока.

Шамс Тебризи вновь обернулся к двери, и у меня не осталось никаких сомнений в том, что он видит меня. Больше того. Он как будто видел меня насквозь, рассматривал мою душу, изучал ее тайны, которые были скрыты даже от меня самого. Возможно, он знал черную магию, которой его научили Гарут и Марут, два ангела из Вавилона, которых отвергает Кур'ан. Или он владеет сверхчеловеческим даром, который помогает ему видеть сквозь двери и стены. Так или иначе, но он напугал меня.

– Не надо звать послушника, – сказал дервиш, несколько повысив голос. – У меня такое чувство, что он находится поблизости и слышит нас.

Я так громко вздохнул, что, верно, разбудил бы мертвых в их могилах. В панике я подпрыгнул и бросился в сад, надеясь скрыться в темноте. Однако там меня ждала неприятная неожиданность.

– Так вот ты где, негодник! – услышал я голос повара, который бежал ко мне, держа в руке метлу. – Ты попал в большую беду, сынок, в большую беду!

Я отпрыгнул в сторону и едва избежал столкновения с метлой.

– Иди сюда или я обломаю тебе ноги! – пыхтя, кричал мне вдогонку повар.

Но я не остановился. Вместо этого я стрелой помчался прочь из сада. Пока перед моими глазами стояло лицо Шамса Тебризи, я бежал и бежал по извилистой тропе к большой дороге, а потом по большой дороге, потому что никак не мог остановиться. Сердце стучало у меня в груди, в горле пересохло, но я все равно бежал, пока у меня не подогнулись колени и я не повалился на землю.

Элла

21 мая 2008 года, Нортгемптон

Подбадривая себя перед неминуемым скандалом, Дэвид вернулся домой рано утром и обнаружил жену сладко спящей в постели. Рядом с ней лежала рукопись “Сладостного богохульства” и стоял пустой стакан из-под вина.

Через десять минут Элла проснулась. Ее не удивило то, что Дэвид в ванной комнате принимает душ. Муж мог флиртовать с другими женщинами, даже провести с ними ночь, однако утренний душ он всегда принимал у себя дома. Когда Дэвид вернулся в спальню, она притворилась спящей, избегая объяснений по поводу его отсутствия.

Меньше чем через час Дэвид и дети разъехались по своим делам, и Элла снова осталась одна в кухне. Жизнь как будто входила в обычное русло. Элла открыла свою любимую поваренную книгу “Кулинарное искусство – легко и просто” и, прочитав несколько рецептов, выбрала довольно сложное меню, которое должно было загрузить ее работой на весь день.

Похлебка из морских моллюсков с шафраном, кокосом и апельсинами.

Спагетти с грибами, пряными травами и пятью видами сыров.

Телячьи ребрышки, вымоченные в розмарине, с уксусом и чесноком.

Зеленые бобы в соке лайма и салат из цветной капусты.

Потом она выбрала десерт: теплое шоколадное суфле.

Элла любила готовить. Приготовление вкусных блюд из самых обычных продуктов не только доставляло ей удовольствие, но и, как ни странно, и некое чувственное наслаждение. Готовка приносила ей удовольствие еще и потому, что у нее это отлично получалось. А кроме того, это успокаивало ее. В ее жизни кухня была тем местом, где она могла отгородиться от мира и как бы остановить бег времени внутри себя. На некоторых такое же воздействие оказывает секс, размышляла Элла, но для этого нужны два человека, тогда как на кухне нужны лишь время, любовь и продукты.

Ведущие кулинарных программ на телевидении представляли дело так, будто их искусство требует вдохновения и творческих способностей. Постоянно они произносили слово “эксперимент”. Элла не соглашалась с ними. Почему бы не оставить эксперименты ученым, а причуды – художникам? Все, что нужно, – это следовать проверенным временем традициям и ни в коем случае не *экспериментировать* с ними. Умение готовить – это обычай и правила. И хотя очевидно, что в нынешние времена преуменьшают их значение, нет ничего зазорного в том, чтобы следовать им в кухне.

Элла дорожила своей домашней рутинной. По утрам, примерно в одно и то же время, вся семья завтракала, выходные они проводили в одном и том же месте, в первое воскресенье каждого месяца приглашали на обед соседей. Так как Дэвид был трудоголиком и у него совсем не было времени, то домашние обязанности лежали исключительно на плечах Эллы: распоряжение финансами, содержание в порядке дома, режим детей, их уроки, и так далее, и так далее. По четвергам Элла отправлялась в Кулинарный клуб, члены которого обменивались опытом и рецептами. Каждую пятницу она проводила несколько часов на рынке, обсуждая с фермерами их продукцию и пробуя ее или давая советы какой-нибудь неопытной молодой домохозяйке. Недостающее Элла покупала в магазине по дороге домой.

Субботними вечерами Дэвид водил Эллу в ресторан (обычно японский), и если они были в настроении – и при этом не очень усталыми и не слишком пьяными, – то, вернувшись домой, занимались сексом. Короткие поцелуи и ласковые прикосновения выражали не столько страсть, сколько привязанность. Когда их брак стал надежным и привычным, секс потерял привлекательность. Иногда они неделями не вспоминали о нем. Элла даже удивлялась, что когда-

то секс был для нее важной частью жизни, и теперь чувствовала облегчение, почти свободу. Ей нравилась мысль о давно женатой паре, постепенно отказывающейся от плотских радостей ради более надежных и важных отношений.

Единственной проблемой было то, что Дэвид отказывался не вообще от секса, а от секса со своей женой. Открыто она никогда не пеняла ему за его интрижки, даже не намекала на свои догадки. Оттого что их друзья ни о чем не догадывались, ей было легче изображать неведение. Все было скрыто, так что не было ни скандалов, ни предметов для сплетен. Элла понятия не имела, как Дэвид устраивает свои делишки. Учитывая его довольно частое общение с другими женщинами, особенно с юными ассистентками, это было, по-видимому, не очень сложно. Но ее муж проявлял ловкость и сдержанность. Тем не менее Элла это знала. Неверность имела запах.

Элла не могла бы сказать в точности, в чем тут было дело. Что было причиной обмана – ее равнодушие к сексу или нечто иное? Неужели сначала Дэвид пошел на обман, а уж потом она перестала любить свое тело и у нее пропало желание?

Так или иначе, результат один. От былой страсти, которая не угасла даже после двадцати лет брака и рождения троих детей, теперь не осталось и следа.

Следующие три часа разные мысли не давали Элле покоя, тогда как руки делали свое дело. Она резала помидоры, рубила чеснок, крошила лук, кипятила соус, терла кожуру апельсинов и замешивала тесто для пшеничного хлеба. Хлеб она всегда пекла сама, следуя золотому совету матери Дэвида.

– Ничто не напоминает мужчине о доме так, как аромат свежее испеченного хлеба, – сказала мать Дэвида, когда они объявили ей о помолвке. – Никогда не покупай хлеб в магазине. Пеки его сама, дорогая, и он будет творить чудеса в твоём доме.

Проработав целый день, Элла принялась красиво накрывать на стол. Положила салфетки, поставила ароматизированные свечи и вазу с желтыми и оранжевыми цветами. Последним штрихом стали сверкающие кольца для салфеток.

Усталая, но довольная, Элла включила телевизор, чтобы послушать местные новости. Молодой психиатр зарезан в собственном доме; в результате короткого замыкания в больнице случился пожар; четверо учащихся старшей школы арестованы за вандализм. Элла слушала и качала головой, думая о том, сколько опасностей поджидает человека вне дома. Откуда же у людей, подобных Азизу З. Захаре, берется желание и мужество путешествовать по диким странам, когда даже в городских пригородах Америки стало небезопасно жить?

Эллу озадачивало то, что непредсказуемая, опасная и непонятная жизнь загнала ее и подобных ей в четыре стены, но та же жизнь действовала совершенно иначе, например, на Азиза, заставляя его отправляться за приключениями.

Рубинштейны собрались за нарядным столом ровно в половине восьмого. Ароматизированные свечи придавали просторной столовой некий священный оттенок. Чужой человек мог бы счесть их семью образцовой. Даже отсутствие Дженет не портило картинки. За едой Орли и Ави болтали о школьных делах, и Элла была благодарна им за то, что они такие неугомонные, шумные и не умолкают ни на минуту, иначе она и ее муж были бы обречены на гнетущую тишину.

Искоса Элла наблюдала, как Дэвид воткнул вилку в цветную капусту, поднес ее ко рту и стал медленно жевать. Ее взгляд переместился на его тонкие бледные губы и белые, как перламутр, зубы. Этот рот она когда-то любила целовать... Она представила, как он целует другую женщину. Перед ее мысленным взором появилась юная и полногрудая ассистентка Дэвида. Сильная и уверенная в себе, она смело выставляла свои груди напоказ в тесном платье, носила кожаные сапоги до колен на высоких каблуках, а ее лицо блестело, даже переливалось от слишком густого слоя косметики. Элла воображала, как Дэвид с торопливой жадностью целует эту женщину – совсем не так, как он ест цветную капусту за семейным столом.

Именно тогда, когда она подавала обед и представила женщину, с которой ее муж завел роман, у нее что-то оборвалось внутри. С пугающей ясностью, несмотря на свою неопытность и робость, она вдруг поняла, что рано или поздно бросит все: свою кухню, свою собаку, своих детей, своих соседей, своего мужа, свои поваренные книги и домашний хлеб... Она попросту уйдет в мир, где все время случаются страшные вещи.

Учитель

26 января 1243 года, Багдад

Будучи членом сообщества дервишей, Шамс Тебризи вынужден был проявлять больше терпения, чем он предполагал. Прошло девять месяцев, а он все еще оставался в Багдаде.

Поначалу я ждал, что он в любую минуту может собрать свои вещи и уйти, настолько очевидным было его неприятие раз и навсегда установленного порядка. Я видел, как ему докучала та обыденная жизнь, которой подчинялись все остальные: ложиться спать и подниматься в одно и то же время, есть в определенные часы и тому подобное. У него были повадки одинокой птицы – дикой и свободной. Подозреваю, что пару раз он был близок к тому, чтобы уйти. Тем не менее, как бы ни была сильна его тяга к одиночеству и свободе, еще сильнее было желание найти собеседника. Шамс твердо верил в то, что в один прекрасный день я подойду к нему и скажу, куда ему идти и кого искать. И эта вера помогала ему ждать и терпеть.

В течение девяти месяцев я внимательно следил за Шамсом и видел: то, на что другим дервишам требовались месяцы, иногда годы, он заучивал за неделю, а то и за несколько дней. У него было потрясающее любопытство ко всему новому и необычному, ему нравилось наблюдать за явлениями природы. Много раз я заставал его в саду, где он восхищался безупречно симметричным строением паутины или росинками, которые сверкали на листьях. Насекомые, растения, животные, казалось, были ему интереснее, чем книги и рукописи. Однако, как раз когда я начал думать, что у него нет тяги к чтению, обнаружил его со старинным фолиантом в руках. А потом он опять неделями мог обходиться без чтения.

Когда я спросил его об этом, он ответил, что следует держать разум в состоянии довольства, однако следует быть осторожным, чтобы не испортить его. Это было одним из его правил. “Разум и любовь сделаны из разных материалов, – говорил он. – Разум вяжет из людей узлы и ничем не рискует, а любовь все распутывает и всем рискует. Разум всегда осторожен и советует: “Остерегайся чрезмерного восторга”. А любовь говорит: “Ах, все это пустяки! Пускайся во все тяжкие!” Разум нелегко обвести вокруг пальца, а любовь легко смешать с грязью. Однако в этой грязи может быть спрятано сокровище. Разбитое сердце прячет в себе сокровище”.

По мере того как я лучше узнавал его, мне все больше приходились по душе смелость и острота его ума. Однако я видел, что есть другая сторона оригинальности Шамса. Например, он был прямолинеен до грубости. Я учил своих дервишей обращать внимание на недостатки других людей, но вместе с тем прощать их и не терять спокойствия. А Шамс не пропускал ни одной ошибки, кто бы ее ни совершил. Если он видел, что человек поступает неправильно, то сразу же и откровенно говорил об этом. Его прямота обижала многих, тем не менее ему нравилось провоцировать людей, а потом смотреть, как они ведут себя в гневе.

Заставить Шамса делать что-то по хозяйству было непростой задачей. Для этого ему не хватало терпения, и он терял интерес к занятию, едва брался за него. Рутинная работа приводила его в отчаяние, и тогда он напоминал запертого в клетке тигра. Если ему наскучивал разговор или собеседник делал глупое замечание, он вставал и уходил, не теряя времени на пустое времяпрепровождение. В его глазах ценности, которыми особенно дорожат обычные люди, то есть безопасность, комфорт, не имели никакого значения. Недоверие к словам было у него настолько сильным, что, бывало, он молчал несколько дней подряд. Это тоже было одним из его правил: “Большинство проблем человечества вырастают из взаимного недопонимания. Нельзя воспринимать слова прямолинейно. Когда мы вступаем в зону любви, язык не годен к употреблению. Любовь нельзя втиснуть в слова, ее можно передать лишь в молчании”.

Со временем меня стало тревожить его здоровье. У меня появилось предчувствие, что человек, который столь безоглядно сжигает себя, наверняка рано или поздно окажется в опасном положении.

На закате наших дней мы отдаем свою жизнь в руки Бога, и лишь Он знает, когда и как мы покинем этот мир. Я решил несколько умерить пыл Шамса и приучить его, насколько это возможно, к более спокойной жизни. Некоторое время мне казалось, что я преуспел в этом. А потом пришла зима, и к нам явился посланец с письмом, отправленным издалека.

Письмо все перевернуло в нашей жизни.

Письмо

Февраль 1243 года, из Кайсери в Багдад

Бисмиллахиррахманиррахим!

Дорогой брат Баба Заман! Да пребудет с тобой благословение Божье!

Прошло много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз, но я надеюсь, что мое письмо застанет тебя в добром здравии. Мне пришлось слышать много прекрасного о приюте, который ты организовал в Багдаде и где ты учишь дервишей мудрости и любви к Богу. Пишу же я тебе из личных побуждений, чтобы поделиться мыслями, которые не дают мне покоя. Позволь начать сначала.

Как тебе известно, султан Аладдин Кейкубад был замечательным человеком, который правил в трудные времена. Его мечтой было построить город, где могли бы жить и спокойно творить поэты, ремесленники и философы. Эту мечту султана многие считали несбыточной, если учесть хаос и ненависть, которые сеяли наступавшие на нас с двух сторон крестоносцы и монголы. Мы были свидетелями этого. Христиане убивали мусульман, христиане убивали христиан, мусульмане убивали христиан, мусульмане убивали мусульман. Враждовали религии, секты, племена, даже братья. Однако Кейкубад был решителен. Чтобы осуществить свою заветную мечту, он выбрал город Конью.

В наше время в Конье живет ученый муж, о котором ты, возможно, слышал, а может быть, и не слышал. Его имя Мавлана Джалаладдин, однако обычно все зовут его Руми. Я имел удовольствие познакомиться с ним, и даже не только познакомиться, но иметь долгое общение сначала как его учитель, потом, после смерти его отца, как наставник. Ну а по прошествии лет я сам стал его учеником. Да, мой друг, я стал учеником своего ученика. До того он был талантливым и рассудительным, что в какой-то момент мне больше нечему было его научить, и я стал учиться у него. Его отец тоже был блестящим ученым. Однако у Руми есть качество, редко встречающееся у ученых мужей: он способен проникать в души людей под ту религиозную скорлупу, в которую они заключены, и извлекать из нее сокровище.

Хочу, чтобы ты знал, что не только я так думаю. Когда юный Руми познакомился с великим мистиком, аптекарем и создателем духов Фаридаддином Аттаром¹², тот сказал: “Этот мальчик откроет дверь в сердце любви и зажжет пламя в сердцах всех мистических приверженцев любви”. И Ибн Араби¹³, известный философ, писатель и мистик, завидев Руми как-то рядом с его отцом, воскликнул: “Слава Богу, океан шагает рядом с озером!”

В возрасте двадцати четырех лет Руми стал духовным лидером. А сегодня, четырнадцать лет спустя, жители Коньи смотрят на него как на образец для подражания, и каждую пятницу со всех окрестных мест приходят люди, чтобы послушать его проповеди. Руми преуспел в законе, философии, теологии, астрономии, истории, химии и алгебре. Говорят, у него уже десять тысяч учеников. Его последователи ловят каждое его слово и видят в нем великого просветителя, который произведет переворот в истории ислама, если не во всей мировой истории.

Для меня Руми всегда был как сын, и я обещал его покойному отцу присматривать за ним. А теперь я слишком стар и слишком близок к концу жизни, поэтому хочу быть уверенным, что моего Руми окружают достойные люди.

¹² Аттар Фаридаддин (Фарид-Ад-Дин) (1119–?) – крупнейший персидский суфийский поэт, автор многочисленных поэм и стихотворений.

¹³ Ибн Араби Абу Абдаллах Мухаммад Ибн Али Ибн Мухаммад Ибн ал-Араби ал-Хатими ал-Таи (1165–1240) – исламский богослов из Испании, крупнейший представитель и теоретик суфизма.

Каким бы известным и замечательным ни был Руми, он несколько раз признавался мне, что ощущает неудовлетворенность. Чего-то ему не хватает в жизни – он ощущает пустоту, которую не могут заполнить ни члены его семьи, ни ученики. Однажды я сказал ему, что он не стораит дотла, хотя и много работает. Его чаша полна до краев, и он жаждет открыть свою душу, чтобы любовь могла течь в нее и из нее. Когда же он спросил меня, как этого добиться, я сказал, что ему нужен собеседник, друг, идущий с ним одной дорогой, и напомнил, как говорил его отец: “Сторонники служат друг другу зеркалами”.

Больше мы об этом не говорили, и я напрочь забыл о том случае, но в день, когда я покидал Конью, Руми пришел ко мне и попросил объяснить сон, который не давал ему покоя. Он сказал, что во сне искал кого-то в большом, суматошном городе, который находится далеко от Коньи. Говорили там по-арабски. Он видел красивые закаты. Там росли шелковицы, и шелко-вичные черви терпеливо ждали в своих коконах, когда настанет им время выйти на свет Божий. Еще он видел, как во дворе собственного дома сидит у колодца с фонарем в руке и плачет.

Поначалу я не понял, что означает его сон. А потом вдруг получил в подарок шелковый шарф, и ответ явился сам собой. Загадка была решена. Я вспомнил, как тебе нравятся шелковые ткани. И еще вспомнил, как много чудесного мне рассказывали о твоём суфийском приюте. И тогда я сообразил, что в своих снах Руми видел его. Короче говоря, брат мой, я не перестаю задавать себе вопрос: не живет ли собеседник Руми в твоём доме? Вот почему я пишу тебе.

Не знаю, есть ли такой человек среди твоих дервишей. Но, если есть, я предоставляю тебе самому решить, известить его об этом или нет. Я же буду считать себя счастливым, если мы сможем хоть что-то сделать, дабы две реки соединились и понесли свои воды в океан Священной Любви, дабы двое встретились в Боге.

Однако есть еще кое-что, что тебе следует принять во внимание. Руми любят и почитают многие, но это не значит, что у него нет критиков. Они есть. Более того, объединение двух таких людей может вызвать недовольство, рознь, породить соперничество и вражду. Из-за привязанности Руми к его собеседнику наверняка возникнут проблемы у него в семье и вообще в его кругу.

Все это может навлечь на собеседника Руми нешуточную опасность. Другими словами, брат мой, человек, которого ты пошлешь в Конью, может не вернуться обратно. Поэтому, прежде чем принять решение и отдать письмо кому следует, я прошу тебя хорошенько подумать.

Прошу прощения, что поставил тебя в трудное положение, однако, как нам обоим известно, Бог никогда не обременяет нас более тяжким грузом, чем мы можем нести. Буду ждать твоего ответа и надеяться, что, что бы ты ни решил, твое решение будет правильным.

*Пусть светоч веры никогда не покидает тебя и твоих дервишей,
Учитель Сеид Бурханеддин*

Шамс

18 декабря 1243 года, Багдад

Однажды зимой, когда с крыш свисали большие сосульки, на заснеженной дороге появился гонец. Он сказал, что пришел из Кайсери. Среди дервишей возникло некоторое волнение: гости в это время года появляются не чаще, чем сладкий летний виноград. Явление гонца со срочным посланием, погнавшим его в дорогу, несмотря на стужу и снег, могло означать две вещи: уже случилось нечто ужасное или должно случиться.

Всем нам, дервишам, было крайне интересно, о чем говорится в письме, адресованном учителю, но он не произнес ни единого слова, не подал ни единого намека, который мог бы удовлетворить наше любопытство. Вид у него был бесстрастный, он был погружен в размышления, которыми ни с кем не желал поделиться. Казалось, он не в силах принять правильное решение.

Далеко не праздное любопытство заставляло меня пристально наблюдать за учителем. Я чувствовал, что письмо имеет ко мне какое-то непосредственное отношение, хотя не мог представить, какое именно. Много вечеров я провел в молитвенной комнате, повторяя все девяносто девять имен Бога, чтобы укрепить свою душу. И каждый раз мое особое внимание привлекало одно имя: аль-Джабар – Тот, в чьих владениях не случается ничего без Его ведома.

Потом, пока остальные проводили время в спорах и самых нелепых предположениях, я гулял один в заснеженном саду. Наконец все услышали звон медного колокола, который созывал нас на общее собрание. Войдя в главную комнату нашей ханеги¹⁴, я обнаружил, что все уже собрались – и послушники, и дервиши – и расселись по кругу. В середине круга стоял учитель.

Откашлявшись, он сказал:

– Бисмилла! Вы, верно, удивились, зачем я сегодня собрал вас всех. Речь идет о письме, которое я получил. Не важно, кто прислал его. Достаточно того, что оно обратило мое внимание на предмет большой важности.

Баба Заман ненадолго умолк и стал глядеть в окно. Он казался измученным, бледным и как будто сильно похудевшим, словно за последние несколько дней постарел на много лет. Однако, когда он заговорил, голос его неожиданно окреп, в нем зазвучала решимость:

– В городе, расположенном не очень далеко от Багдада, живет весьма знающий ученый. Он хороший оратор, хотя и не поэт. Его любят, почитают, им восхищаются тысячи людей, но сам он никого не любит. По причине, которая далека от нашего понимания, кто-нибудь из нас может отправиться к нему и стать его собеседником.

У меня сжалось сердце. Потом я медленно, очень медленно выдохнул. Как тут не вспомнить одно из правил? “Одиночество и уединение – разные вещи. Когда человек одинок, ему легко уверить себя, что он на правильном пути. Уединение лучше для нас, потому что оно не подразумевает одиночества. Но еще лучше найти человека, который станет для тебя зеркалом. Помни, лишь в другом человеческом сердце можно увидеть себя без обмана и присутствие Бога в себе”.

Учитель продолжал:

– Мне был задан вопрос, не хочет ли кто-нибудь из вас отправиться в это духовное путешествие. Конечно же я мог бы сам назначить подходящего дервиша, однако эта задача будет не по плечу тому, кто возьмется за нее только из чувства долга. Она может быть исполнена лишь из любви и во имя любви.

Юный дервиш попросил разрешения сказать слово:

– Учитель, кто этот ученый?

¹⁴ Ханега (ханака) – странноприимный дом с мечетью и кельями, обитель дервишей.

– Я могу открыть его имя только тому, кто изъявит желание отправиться в путь.

Услышав это, несколько взволнованных дервишей торопливо подняли руки. Кандидатов было девять. Я присоединился к ним и стал десятым. Баба Заман помахал рукой, давая нам понять, что он еще не закончил:

– Есть еще кое-что, о чем я должен вам сообщить, прежде чем вы примете решение. Путешествие сопряжено с великой опасностью и невиданными трудностями, так что неизвестно, вернется ли путник назад.

Все руки опустились. Кроме моей.

В первый раз за долгое время Баба Заман прямо посмотрел мне в глаза, и, когда наши взгляды встретились, я понял, что он с самого начала знал, кто станет единственным добровольцем.

– Шамс из Тебриза, – медленно и мрачно произнес учитель, словно мое имя оставляло неприятный привкус у него во рту. – Я уважаю твое решение, однако ты не член нашего сообщества. Ты гость.

– Не понимаю, какая разница.

Учитель долго молчал, о чем-то раздумывая. Потом неожиданно поднялся и заговорил вновь:

– Оставим пока этот разговор. Когда придет весна, мы к нему вернемся.

Сердце мое взбунтовалось. Ведь Баба Заман отлично знал, что именно ради этой миссии я явился в Багдад, а он лишает меня возможности следовать своей судьбе.

– Почему, учитель? Зачем ждать, если я прямо сейчас готов отправиться в путь? Скажи мне название города и имя ученого мужа, и в ту же минуту меня тут не будет! – вскричал я.

Однако ответ учителя прозвучал холодно и твердо, к чему я не привык за то время, что был с ним рядом:

– Нечего обсуждать. Собрание закончено. Зима была долгой и суровой. Все в саду замерзло, и мои губы тоже замерзли. Следующие три месяца я не произнес ни слова. Каждый день, отправляясь на долгие прогулки, я надеялся увидеть расцветшее дерево, но видел лишь снег. О весне можно было только мечтать. Но, несмотря на мрак в душе, я постоянно помнил правило, которое как нельзя лучше подходило моему настроению: “Что бы ни случилось в твоей жизни, с каким бы страшным несчастьем тебе ни пришлось столкнуться, не отчаивайся. Даже когда все двери закрыты, Бог единственно для тебя открывает новые пути. Будь благодарен! Разумеется, легко быть благодарным, когда все хорошо. Но суфий благодарит Бога не только за то, что ему дано, но и за то, в чем ему отказано”.

Наконец однажды утром я увидел ослепительный росток. Прекрасный, как песня, он поднялся над нагромождением снега. Это был кустик клевера с крошечным цветком. Мое сердце преисполнилось радости. Возвращаясь в дом, я наткнулся на рыжего прислужника и весело поздоровался с ним. А он так привык видеть меня молчаливым и мрачным, что буквально онемел.

– Улыбнись, мальчик! – крикнул я. – Не ужели ты не видишь, что наступила весна?

Начиная с того дня все вокруг стало стремительно меняться. Быстро таял снег, на деревьях набухли почки, вернулись птицы, и вскоре воздух наполнился пряным весенним ароматом.

Однажды утром мы вновь слышали звон медного колокола. На сей раз я прибежал первый. Опять мы уселись в круг, и учитель заговорил о выдающемся исламском ученом, который познал все, кроме опасностей любви. И снова никто не захотел по доброй воле отправиться к нему.

– Вижу, Шамс остается единственным добровольцем, – объявил Баба Заман громким и тонким голосом, похожим на свист ветра. – Однако я подожду до осени, прежде чем вынесу решение.

Я был потрясен. Не мог поверить своим ушам. Я готов к путешествию после трех долгих месяцев ожидания, а учитель требует ждать еще шесть месяцев. Я был в отчаянии, протестовал, просил, но он отказал мне.

На сей раз, однако, я понимал, что ждать будет легче, потому что больше отсрочек не предвидится. Продержавшись с зимы до весны, я мог с уверенностью сказать, что мой жар не остынет до осени. Решение Баба Замана не обескуражило меня. Наоборот, я ободрился и стал решительнее. Еще одно правило гласит: “Терпение не означает пассивность. Оно означает провидеть и верить в конечный результат. В чем смысл терпения? В том, чтобы, глядя на шип, видеть розу; видя ночь, предвидеть рассвет. Нетерпение же означает близорукость и неспособность видеть будущее. Те, кто любят Бога, никогда не теряют терпения, так как им известно, что нужно время, чтобы месяц стал полной луной”.

Когда наступила осень, медный колокол ударил в третий раз. Я шел неспешно, уверенный, что теперь все решится. Учитель выглядел слабее и бледнее, чем обычно, словно у него больше не осталось сил. Тем не менее, когда он увидел, что я вновь поднимаю руку, он не отвернулся и не стал откладывать решение. Он решительно кивнул мне:

– Ладно, Шамс, собирайся в путь. Завтра утром ты оставишь нас, *иншалла*¹⁵.

Я поцеловал руку учителю. Сколько бы мой путь ни занял времени, рано или поздно я встречу с собеседником.

Баба Заман ласково и грустно улыбнулся мне, как отец улыбается единственному сыну, отправляя его на битву. Потом он вынул запечатанное письмо из кармана своей длинной абы цвета хаки и, отдав его мне, молча вышел из комнаты. Все дервиши последовали за ним. Оставшись один, я сломал печать. Внутри я нашел ответ на мои вопросы. Итак, мне предстояло отправиться в Конью и там встретиться с Руми.

От радости сердце подпрыгнуло у меня в груди. Прежде мне не приходилось слышать это имя. Наверное, Руми был знаменитым ученым, однако для меня он оставался тайной за семью печатями.

Я снова и снова повторял: “Руми”, пока слово не растаяло у меня на языке, оставив сладость леденца и сделавшись таким же привычным, как слова “вода”, “хлеб”, “молоко”.

¹⁵ Если Аллах пожелает. (Прим. автора.)

Элла

22 мая 2008 года, Нортгемптон

Белое пуховое одеяло не спасало от неприятных ощущений в горле и навалившейся усталости. Засиживаясь допоздна и выпивая больше нормы, Элла не могла не понимать, к чему это может привести. Она заставила себя встать, спуститься вниз, приготовить завтрак и посидеть за столом вместе со своими двойняшками и мужем. Из всех сил она старалась проявить внимание к их разговору о шикарных машинах, на которых некоторых учеников привозят в школу, тогда как больше всего на свете ей хотелось вернуться в постель и заснуть.

Неожиданно Орли, посмотрев прямо в лицо матери, спросила:

– Ави говорит, что сестра больше не вернется домой. Мама, это правда?

В ее голосе Элла услышала осуждение.

– Конечно же неправда. Мы с твоей сестрой поссорились, но, как тебе известно, мы любим друг друга.

– А правда, что ты позвонила Скотту и попросила его оставить Дженет в покое? – усмехаясь, спросил Ави, который явно наслаждался разговором.

Округлив глаза, Элла поглядела на мужа, но Дэвид поднял брови и развел руками, давая понять, что не он рассказал детям ненужные подробности.

С легкостью, которая дается опытом, Элла придала своему голосу властность, как всегда, когда собиралась прочесть детям нотацию:

– Это не совсем так. Я действительно разговаривала со Скоттом, но я не просила его бросить вашу сестру. Я всего лишь попросила его не торопиться с женитьбой.

– Никогда не выйду замуж, – уверенно заявила Орли.

– Ну еще бы: кому захочется взять тебя в жены? – отрезал Ави.

Прислушиваясь к тому, как ее отпрыски поддразнивают друг друга, Элла нервно усмехнулась, но тотчас постаралась вернуть тебе серьезный вид. Однако это ей не совсем удалось, и едва заметная усмешка растягивала ее губы, пока она провожала детей до двери.

Лишь вернувшись к столу, она позволила себе распуститься. Кухня выглядела так, словно подверглась нападению целой армии крыс. Недоеденные яйца, огрызки хлеба, грязные миски. А тут еще Спирит таскался за ней, ожидая прогулки. Но даже после двух чашек кофе и стакана мультивитаминного напитка Элла смогла всего лишь на несколько минут вывести его в сад.

Вернувшись в дом, она обнаружила красный сигнал на автоответчике. Нажала на кнопку, и, к ее огромной радости, мелодичный голос Дженет наполнил комнату.

– Мама, ты дома?... Думаю, нет, иначе ты взяла бы трубку. – Дженет хмыкнула. – Ладно, я ужасно разозлилась на тебя и не хотела больше видеть. А теперь я немного поостыла. Нет, ты поступила неправильно, я в этом все равно уверена. Не надо было тебе звонить Скотту. Но я понимаю, почему ты это сделала. Послушай, тебе не надо больше держать меня словно в инкубаторе. Перестань меня защищать! Просто позволь мне быть такой, какая я есть, ладно?

На глаза Эллы навернулись слезы. Ей вспомнилось, какой была Дженет, когда только родилась. Вся красная, несчастная, с морщинистыми, почти прозрачными пальчиками, с дыхательной трубкой – до чего же она была неприспособлена для жизни в этом мире.

Множество бессонных ночей Элла провела, прислушиваясь к дыханию малышки, просто желая удостовериться, что она еще жива и, может быть, будет жить.

– Мама, еще одно, – произнесла Дженет, словно что-то вспомнив. – Я люблю тебя.

Элла тяжело вздохнула. Она вспомнила письмо Азиза. Дерево желаний ответило ему. По крайней мере, частично. Позвонив, Дженет исполнила свою часть. Теперь Элле надо было

исполнить остальное. Она позвонила дочери на мобильник и застала ее на пути в университетскую библиотеку.

– Малышка, я все слышала. Извини, я ужасно виновата перед тобой и вот хочу попросить прощения.

После недолгой, но взрывоопасной паузы Дженет ответила:

– Да ладно, мам.

– Нет, не ладно. Мне нужно было больше уважать твои чувства.

– Давай больше не будем об этом говорить, хорошо? – попросила Дженет, словно они поменялись местами и Дженет стала матерью, а Элла – мятежной дочерью.

– Хорошо, дорогая.

Дженет понизила голос почти до шепота, словно сама боялась того, о чем собиралась спросить Эллу.

– Меня очень расстроило то, что ты сказала тогда. Это правда? Ты действительно несчастна?

– Конечно же нет, – излишне торопливо отозвалась Элла. – Я родила трех замечательных детей – разве я могу быть несчастной?

Однако Дженет это не убедило.

– Я имею в виду с папой?

Элла не знала, что придумать, и решила сказать правду.

– Мы с твоим папой уже очень давно женаты. После стольких лет трудно сохранить влюбленность.

– Понятно, – произнесла Дженет, и, как ни странно, у Эллы появилось ощущение, что дочь действительно ее поняла.

Положив трубку, Элла дала себе волю и погрузилась в размышления о любви. Она удобно устроилась в кресле-качалке и задумалась: неужели, несмотря ни на что, у нее сохранилась способность испытывать влюбленность? Любовь для тех, кто ищет смысл в этом безумном мире. А как насчет тех, кто давно оставил всякие поиски?

Не дожидаясь вечера, Элла написала Азизу.

Дорогой Азиз (если я могу Вас так называть)!

Спасибо за Ваше теплое, сердечное послание, которое помогло мне справиться с кризисом в семье. Мы с дочерью преодолели взаимонепонимание, как Вы вежливо выразились.

Вы были правы насчет меня. Я постоянно мечусь между двумя противоположными состояниями: агрессивностью и пассивностью. Или я слишком вмешиваюсь в жизнь людей, которых люблю, или ощущаю себя совершенно беспомощной перед ними.

Что касается смирения, то я никогда не чувствовала себя способной к нему. Если честно, во мне нет того, что делает человека суфием. Тем более поразительно, что я помирилась с дочерью только после того, как перестала вмешиваться в ее дела. Большое Вам спасибо. Я бы тоже помолилась за Вас, но прошло столько времени с тех пор, как я в последний раз стучалась в дверь Бога, что даже не знаю, не переселился ли Он в какое-нибудь другое место. Не похожа ли я на хозяина постоянного двора из Вашего романа? Не беспокойтесь, не настолько уж я злая. Пока еще нет.

С дружескими чувствами,

Элла из Нортгемптона

Письмо

19 сентября 1243 года, из Багдада в Кайсери

Бисмиллахиррахманиррахим.

Брат Сеид Бурханеддин! Мир тебе, и да пребудут с тобой милость и благословение Божье!

Я был очень рад, когда получил твое письмо и узнал, что ты все так же твердо, как прежде, идешь дорогой любви. Однако одновременно оно поставило меня в трудное положение. Едва мне стало известно, что ты ищешь собеседника для Руми, я сразу понял, кого ты имеешь в виду. Но я не знал, как мне поступить.

Понимаешь ли, под моей крышей жил странствующий дервиш Шамс из Тебриза, который полностью соответствует твоему описанию. Шамс верит, что у него особая миссия в этом мире, и поэтому он хочет просветить просвещенного человека. Не ища учеников, он просил Бога о собеседнике. Однажды он сказал мне, что его не интересуют обыкновенные люди. Он сказал, что пришел, желая соприкоснуться с теми, кто ведет человечество к Истине.

Когда я прочитал твое письмо, то понял, что Шамсу суждено свидеться с Руми. И все же, по соображениям справедливости, я должен был дать одинаковые шансы всем дервишам. Претендентов было несколько, но, после того как они узнали об опасностях пути, остался один только Шамс. Это было зимой. То же самое повторилось весной и осенью.

Ты, наверное, удивляешься, почему я так долго ждал. Я много думал об этом и, если честно, могу дать лишь одно объяснение. Шамс пришелся мне по душе. Мне было больно отправлять его в опасное путешествие.

Имей в виду, Шамс не простой человек. Пока он кочевал, то неплохо справлялся со своей жизнью, но, когда он поселится в городе и ему придется иметь дело с горожанами, боюсь, он не замедлит кого-нибудь погладить против шерсти. Только поэтому я постарался как можно дольше оттянуть его уход от нас.

Накануне вечером перед расставанием мы с Шамсом долго ходили около тутовых деревьев, на которых я выращиваю шелковичных червей. Их на редкость легкий, но прочный шелк напоминает мне любовь. Я рассказал Шамсу, что черви рвут шелк, когда вылезают из коконов. Поэтому крестьянам приходится делать выбор между шелком и червями. Чаще всего они убивают червей, пока те еще в коконах, чтобы сохранить шелк. Множество червей погибают ради одного шарфа.

Вечер близился к концу. Прохладный ветер подул в нашу сторону, и меня пробрала дрожь. К старости я стал часто мерзнуть, однако в тот раз мне стало ясно, что дело не в возрасте. Дело было в том, что мы с Шамсом в последний раз вместе стояли в моем саду. Больше нам не придется увидеть друг друга. Во всяком случае, в этом мире. Вероятно, он почувствовал то же самое, потому что я заметил грусть в его глазах.

Сегодня утром, едва занялся рассвет, Шамс пришел поцеловать мне руку и испросить моего благословения. Меня удивило, что он отрезал свои длинные темные волосы и сбрил бороду, но он не стал ничего объяснять, а я не спрашивал. Прежде чем уйти, он рассказал свою часть истории, напоминающую историю шелковичных червей. Он и Руми спрячутся в коконе Священной Любви и выйдут из него, только когда возмужают и сплетут бесценный шелк. А пока, чтобы был шелк, черви должны умирать.

Потом он отправился в Конью. Да защитит его Господь. Я знаю, что поступил правильно, и ты поступил правильно, но на сердце у меня тяжело, и я уже скучаю по самому необычному и непокорному дервишу, который когда-либо жил под моей крышей. В конце концов, мы все принадлежим Богу и все к Нему возвращаемся.

Пусть Бог не оставит тебя.

Баба Заман

Послушник

29 сентября 1243 года, Багдад

Быть дервишем совсем не просто. Об этом мне говорили все. Забывали только сказать о том, через что придется пройти, прежде чем стать дервишем. С тех пор как я здесь, я работаю как вол. Обычно я до того уматываюсь, что, когда в конце дня ложусь на свое место, не могу заснуть из-за боли во всех костях, а уж о ногах и говорить нечего. Интересно, хоть кто-нибудь замечает, как ужасно ко мне тут относятся? Но даже если кто-то и замечает, то вида не подает. И чем больше я стараюсь, тем хуже мне приходится. Дервиши даже не знают, как меня зовут. “Новый послушник, – зовут они меня, а за глаза шепчут: – Рыжий неуч”.

Хуже всего – это работа в кухне под началом у повара. У него вместо сердца камень. Ему бы быть кровожадным военачальником монголов, а он кашеварит у дервишей. Не помню, чтобы он хоть кому-то сказал доброе слово. Не думаю, что он умеет улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.